

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

19

Мюнхен - Сан Франциско
1980

ОГЛАВЛЕНИЕ

С Рождеством Христовым!	1
А. Федосеев. Трудящиеся и коллективизм.	2
Дора Штурман. Демократия — что это такое?	6
Виктор Шапиль. Наивность?	11
Н. Штифанов. Мои отметки на двух сочинениях Солженицына.	16
Протиерей Д. Константинов. Русская Православная Церковь в конце семидесятых годов (1977 — 1979 г.г.). (Окончание)	21
М. Т. Пятидесятилетие советско-китайского конфликта и трагедия Трехречья.	25
В. Писарев. Командировка.	28
В. Кобылин. Константин Леонтьев.	35
В. Пирожкова. Послесловие.	39
Н. А. Нефедов. О любителях лягать дореволюционную Россию.	41
Владимир Рудинский. Обзор зарубежной печати.	44
Письмо в редакцию Н. Нефедова.	48
Информация.	49

Перепечатка разрешается, но с указанием источника.

**Письма для редакции и подписку
просим впредь направлять по адресу:
Dr. Wera Piroshkow, Einsteinstr. 104/III
D-8000 Munchen 80, W. Germany.**

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

МЮНХЕН

№ 19. Декабрь 1980

САН ФРАНЦИСКО

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

Мы поздравляем всех читателей и друзей журнала с великим праздником Рождества Христова.

В благополучных — пока еще — странах Запада этот праздник принято праздновать как праздник семьи и уюта, в хорошо прибранной, теплой квартире, около разукрашенной елки, под которой разложены многочисленные, иногда весьма богатые, подарки для членов семьи и гостей. Символические ясли, которые иногда ставятся под елку, мало кому напоминают о том, в какой крайней нищете родился в мир предвечный Бог. Он не только выбрал для Своего воплощения девушку из бедной семьи с чистой душой, но Он взял на себя разные тяжести, которые люди возлагают друг на друга. Бюрократические распоряжения тогдашнего начальства привели к тому, что Иисусу Христу пришлось родиться в чужом городе, не там, где жила Его мать обычно, и где у нее и ее покровителя Иосифа было хоть и совсем скромное помещение, но все же крыша над головой. Бог-Отец не отвратил от Своего рождающегося в мир Сына судьбу странствующего, у Которого в переполненном приведенными в движение бюрократией массами людей не оказалось даже скромной комнатки. Уже в Своем рождении Он оказался странником, и потом Он скажет тем, кто захочет следовать Ему, чтобы они подумали над тем, чего хотят, т. к. даже лисы имеют норы и птицы гнездо, а Сыну Человеческому негде приклонить голову.

Как же случилось, что христиане нашего времени считают часто Рождество не в Рождество, если у них нет богато или хоть уютно обставленной квартиры и достаточного количества разных материальных благ? Разве они так и не поняли символического смысла рождения Бога в пути, в странствии, в яслях, а не в шикарной квартире?

Едва, казалось бы, земное существование начало налаживаться, как надо было

бежать. Часто ли задумывались мы о том, что Божественный Младенец предвосхитил нашу беженскую судьбу. Ангел указал Иосифу на грозящую опасность и повелел взять Мать и Младенца и бежать в Египет. Почему же бежать? Разве Всемогущий Бог не мог оградить Своего Сына там, где Он был? Конечно, мог. Но Господь творит прямые чудеса не часто. Если можно использовать земные средства, например, бегство, то надо сначала эти средства и применить. И затем: и горькую беженскую судьбу Господь взял на Себя. Его Мать, Его покровитель в младенчестве и Он Сам на себе испытали тяготы бегства.

В наши дни международные организации насчитывают 13 миллионов беженцев, из них 12 миллионов бежали от коммунизма. Мы в это число не входим. Мы — уже устроенные беженцы. 12 миллионов — это те вьетнамцы, которые переплывают полное акул море на утлых лодочках, которых подбирают сердобольные моряки западных стран, а потом правительства этих стран требуют, чтобы то самое коммунистическое правительство, от которого эти люди бегут, рискуя жизнью, приняло меры для пресечения потока беженцев. 12 миллионов — это камбоджанцы, бежавшие сначала от собственного изуверски жестокого коммунистического правительства, а потом от чужих, тоже коммунистических, завоевателей, и голодающие в беженских лагерях Таиланда, страны, которая своими средствами не в состоянии прокормить всех, нахлынувших в нее. 12 миллионов — это абиссинцы и отчасти сомалийцы, бегущие от коммунистической диктатуры в Абиссинии и, поскольку это сомалийцы, от коммунистического агрессора. Еще недавно в этих беженских лагерях дети умирали как мухи от голода и болезней. Надо отдать справедливость Западной Европе: она собрала достаточно денег, чтобы купить продукты и транспортные средства, организовала меди-

цинскую помощь, так что теперь в беженских лагерях массовая смертность приостановлена, в беженских лагерях Сомалии теперь «нормальный» процент смертности, все еще в первую очередь умирают истощенные дети.

Весной этого года беженцы в сомалийских лагерях прослышали о благополучной Германии. Те из них, у которых еще были силы, старались наскрести денег, покупали билет на самолет до Штуттгарта и стояли потом на аэродроме в Штуттгарте, дрожа от холода на ветру ранней весны в своих легких африканских одеждах. И их как-то устроили — первой акцией была выдача теплых свитеров — разместили хоть по баракам, но когда число африканских беженцев в Германии перешло границу возможного, Германия ввела визу для тех, кто хотел въехать в Германию — до этого можно было въезжать без визы, — а визы не выдавались. Не будем винить германские власти: все большее число стран попадает под власть коммунистов, все больше людей бегут от страшных коммунистических диктатур, все меньше остается свободных стран. Могут ли они принять всех беженцев?

Когда Ирод умер, Святое Семейство могло вернуться в Палестину. Смерть того или другого коммунистического владыки ситуации не меняет. Бежавшие наших дней не могут вернуться на родину.

Спаситель взял на Себя уже в младенчестве нашу тяжелую судьбу. После нескольких десятилетий спокойной трудовой незаметной жизни и нескольких лет проповеди, когда Спаситель открыл Себя так же и чудесами, которые Он творил, последовала страшная крестная смерть. Нам, христианам, от нее оторваться не приходится, тем более, что если пока еще свободный мир будет играть и дальше в поддавки с коммунистическим миром, то и бежать от коммунистов скоро будет некуда.

Но после крестной смерти последовало воскресение. И в этом воскресении вся наша надежда. Надежда эта оправдана, если мы примем Сына Божия, пришедшего в мир странником и беженцем на короткое время труда, призыва к людям, страдания и прохождения через смерть к воскресению. Наша надежда оправдана, если мы примем рождающегося Сына Божия в наше сердце, глубоко и по-настоящему.

Редакция.

А. ФЕДОСЕЕВ.

ТРУДЯЩИЕСЯ И КОЛЛЕКТИВИЗМ

«Жизненные ценности человека являются критерием его поведения в обществе, критерием его представлений о счастье и достоинстве. И чем больше в этих ценностях духовно возвышенных, тем больше гарантии, что человек никогда не позволит себе впасть в унижительную зависимость от сиюминутных материальных потребностей, не позволит материальному подавить в себе духовное».

Кто же это сказал? Бьюсь об заклад, что не догадаетесь. Это сказал в интервью для «Литературной Газеты» (17.9.1980) кандидат в члены Политбюро, первый секретарь Ц.К. компартии Грузии Эдуард Амвросиевич Шерваднадзе.

«Наш девиз: за человека в человеке». «Душа человека во сто крат тяжелее его тела». Такими высказываниями (своими и чужими) испещрено все его интервью.

Я уверен, что вы, как и я, от всей души могли бы подписаться под такими высказываниями.

А вот, однако, и высказывание Карла Маркса, тоже приведенное Шерваднадзе: «если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими».

Почему же после шестидесяти с лишком лет усиленной переделки грешных людей в социалистические «святые» приходится поднимать антимакистский, антисоциалистический вопрос о превосходстве духовного над материальным, души над телом? Впрочем, тут же, походя, Карлом Марксом, выводить духовное из материального бытия? Для этого у Шерваднадзе есть две главные причины.

Как известно, в социалистической Грузии расцвели пышным цветом «материалистические, частно собственнические пережитки», почти полностью разрушив в Грузии социализм. Шерваднадзе было поручено срочно восстановить высокую социалистическую мораль в Грузии. В интервью Шерваднадзе с гордостью заявляет об ус-

пешном выполнении поручения. Однако, духовность в людей не вспрыснешь как лекарство, нестроишь как кирпич в стену, не сагитируешь даже тысячью речей. Тем более, в течение нескольких лет, выделенных для Шерваднадзе. Шестьдесят лет старались и не смогли, а Шерваднадзе смог за два-три года? Пытаясь отвергнуть сомнения в его успехах, Шерваднадзе раздувает выданный ему на вооружение «партией и правительством» новый, высоко духовный арсенал (весьма необычный) до небес. И только мимоходом отмечает, что пришлось ему заниматься не только духовностью, но и бытием. Занятие бытием, в соответствии с рецептом Карла Маркса, выразилось в нескольких тысячах расстрелянных рядовых граждан и в нескольких десятках смещенных высших советских чиновников. Об этом разгроме в Грузии в интервью, естественно, ничего не говорится.

Конечно, Шерваднадзе все равно никто не поверит. Учиненный разгром в Грузии не первый, а грузины все не переделываются.

Вторая причина заключается в том, что Грузия являет собой лишь наиболее яркое выражение того процесса, который происходит по всему СССР, несмотря на социалистическое бытие. Интервью явно рассчитано не только на Грузию. Развал происходит везде, если не считать военной машины, процветанию которой социализм очень способствует. Интервью Шерваднадзе свидетельствует о явной растерянности руководителей социализма, пытающихся взять на вооружение душу и духовность после явного провала рецепта Карла Маркса. Шерваднадзе поручено поднять новое знамя — духовности, — что он очень умело и делает. Как и полагается, это знамя духовности уже подхватила и несет далее вся сов. пресса, радио, телевидение. Соответствующие инструкции даны и КГБ: новая «духовность» социализма есть превосходное средство разложения эмиграции и Запада.

В интервью легко заметить, что острие «духовности» направлено (в СССР) на «восстановление» правильной «границы между разумными потребностями и **безнравственным** потребительством» (Шерваднадзе). Человек должен «соотнести свои потребности с **возможностями (!)** общества, с **личным трудовым вкладом (!)** и **собственным положением (!)** в обществе» (Шерваднадзе).

Дело в том, что 67 миллионов жертв строительства социализма, мощь КГБ, тюрьмы и концлагеря, колоссальная система промывания мозгов от рождения до могилы так

и не смогли заставить людей принять социализм и добросовестно работать на него. К сожалению для руководителей социализма, количество вложенного человеком труда, не говоря уже о добросовестности его, измерению не поддается, несмотря на все шестидесятилетние попытки это сделать с помощью научного нормирования труда и учета многочисленных, но всегда неисчерпывающих факторов. Одного, двух, десятков людей еще можно уличить в халатности и безделии и примерно наказать. Миллионы же, несмотря на всю бдительность социализма и все системы оплаты труда, продолжают плохо и мало трудиться, практикуя «трудовой обман». Существенно, что во всей системе социализма, практически, нет ни одного человека, который был бы лично заинтересован в честном труде и в выведении наружу этого «трудового обмана». Тот же Шерваднадзе в своем интервью явно занимается очко-втирательством, оценивая свой труд и труд «всего грузинского народа», как успешный при «восстановлении» социалистической морали в Грузии. Даже Брежнев, кроя по маташке своих соратников за «трудовой обман», открыто, в печати, чрезвычайно приукрашивает результаты «труда советского народа» и не только замалчивает «трудовой обман» миллионов, но и не позволяет показать в статистических сводках существующего, явного преобладания минусов социализма над плюсами. Таким образом, вся социалистическая система от Брежнева вверх до последнего лодыря внизу не содержит в себе ни одного звена, которое было бы лично и сильно заинтересовано в реализации соответствующего количества и качества труда за соответствующую зарплату. Ленин и другие вожди социализма превосходно эту ситуацию понимали и бессильно мечтали о капиталистическом хозяине в своем социалистическом бытии. «Хозяин — народ» и хозяин — собственник оказались не равнозначными. В физике есть закон, по которому явления предпочитают развиваться по пути наименьшего сопротивления с затратой наименьшей энергии. Люди, как правило, следуют этому закону тоже: «где бы ни работать, что бы ни работать, лишь бы не работать». Конечно, это последнее утверждение совсем не означает, что люди всегда преследуют только выгоду. Отнюдь нет. Их мотивы всегда сложны и могут быть весьма и весьма нравственными. Однако работать без результата их никогда не устраивает. Поэтому и лозунг «Труд в СССР есть дело чести, доблести и геройства» эффекта не

дает. Не дают эффекта и награждения званиями, орденами и медалями.

В результате, вот уже десяток лет, как уровень жизни трудящихся в СССР неуклонно понижается: трудящиеся производят все меньше и меньше товаров и все худшего качества. Даже и свою невысокую зарплату им девать некуда, кроме как класть в сберкассу. И ведь каждый трудящийся великолепно понимает, что, если он плохо работает, так ему и жить плохо: сам по себе социализм ни хлеба, ни одежды не производит. Все это должны делать сами трудящиеся.

Явная неэффективность (почти бессмысленность) труда приводит к извращению и в образе жизни трудящихся. Приходится им пускаться во все тяжкие: воровать, давать и брать взятки, заниматься бюрократией, спихотехникой*, очковтирательством, бездельничать, пьянствовать и т. д. и т. п. И вместо «утверждения культа труда в каждой ячейке общества, в каждой семье» происходит обратное: «что я тебе дурак, чтобы работать?». Шерваднадзе остается только голосить о том, что нужно «вытеснить из образа жизни низменные потребности возвышенными», что означает: работай, работай и работай, если даже толку для тебя от этого нет и затягивай потуже ремень на пуже.

В 1969 году я всматривался в Воронцовском дворце, в Алушке (Крым) в изумительной красоты и мастерства лепные украшения, паркетные полы, стенные гобелены и обои, архитектурные детали, сохранившиеся со времени крепостничества. Тут же, при выходе, зайдя в современную общественную уборную, поразились контрасту между изумительным искусством крепостных и не менее изумительной халатной работой свободных социалистических строителей современного сооружения. Только такие контрасты и позволяют почувствовать всю привычную уже халтуру советских свободных трудящихся. Видимо, у «крепостных рабов» был кто-то, заинтересованный в развитии их творчества и умевший их обучить даже не мастерству, а подлинному искусству. При социализме такие заинтересованные люди блистательно отсутствуют и не потому, что их нет потенциально, но потому что в структуре социализма для них нет ни места, ни возможностей.

*) «Спихотехника» — относительно новое слово советского общества, означающее стремление соответствующего бюрократа спихнуть решение той или иной проблемы в другую инстанцию. — Прим. ред.

В этом смысле социализм с его единой организацией обобщественного хозяйства всей страны много хуже даже крепостничества, которое все же допускало индивидуальную волю и инициативу, т. е. частную собственность. (Только, чур, не посчитайте, что я агитирую за крепостничество!).

Спрашивается, можно ли это сползание вниз в стране социализма прекратить и начать подъем и материальный, и духовный? Бесспорно, нет. Ухудшение будет нарастать и захватит собой и военную машину. (Это, естественно, заставляет вождей СССР торопиться с использованием этой военной машины для шантажа и покорения Запада.)

Социализм (коллективизм) неспособен к расчетливому и эффективному ведению хозяйства и при всех его средствах устрашения неспособен заставить людей работать, забывая личные интересы во имя интересов общества.

Социализм (коллективизм) в исторической перспективе обречен на разрушение и исчезновение. Это, конечно, отнюдь не означает, что он, если не будет раньше уничтожен силой, не сможет до этого поработить весь Запад. Для этого у него есть на Западе миллионы и миллионы бескорыстных помощников, еще не понимающих к чему они стремятся.

Социалистическая болезнь у Запада.

Положение в разных странах Запада, конечно, разное. Однако хроническая инфляция и безработица являются внешними признаками одного и того же процесса, происходящего во всех странах Запада. Этот процесс характеризуется понижением производительности труда, ухудшением его качества, понижением стремления к мастерству и образованию. Ассортимент и качество товаров понижается. Качество и надежность обслуживания тоже понижаются. Порядок, стабильность заменяются хаосом и нерегулярностью. Автобусы и поезда начинают ходить нерегулярно, опаздывают всегда. Автобусы ходят пачками, несмотря на контролеров на каждом углу. В Англии, для примера, 620.000 людей дожидается очереди на операцию и, бывает, не дождавшись, умирают. Бюрократия, очковтирательство, спихотехника, взяточничество, невыполнение обязательств и обещаний стали и на Западе дежурным блюдом. Кто от этого страдает? Конечно, трудящиеся сами. Больше никому.

Только Япония и в меньшей степени ФРГ и США еще как-то держат марку (пока!). Остальные государства Запада явно

находятся на пути в материальный и духовный упадок. Почему же? Да все потому же. Все ведь производится, все осуществляется населением — трудящимися. Это они, трудящиеся Запада, перестали добросовестно работать и не хотят толком учиться и совершенствовать свой труд. Недостаток энергии вызван ими же, а нефтяные монополисты, конечно, этим и пользуются. Вы думаете, они не догадываются, что они сами себе устраивают мерзкую жизнь? Конечно, догадываются. Знают великолепно. Тем не менее продолжают. «Я как все».

Конечно, дело все еще много, много лучше, чем в СССР или в других странах социализма. Там дошли уже, как говорится, «до ручки», что едва ли может утешить трудящихся Запада. Причины и западного упадка очень просты, хотя и очень застарелые и политически почти неустраняемые. Всесильные, монопольные профсоюзы, обладающие исключительными, недемократическими привилегиями, распоряжаются странами и правительствами. Их обязанность: обеспечить поменьше работы и к тому же худшего качества и побольше зарплаты для своих членов, что вполне по душе каждому отдельному трудящемуся. В том, что это приводит к инфляции, безработице, к ухудшению жизни, от которых трудящиеся страдают коллективно, профсоюзы предпочитают винить правительства, капиталистов и других злодеев. Способны ли профсоюзы изменить эту ситуацию к лучшему? Конечно нет. Тогда они бы превратились из профсоюзов в руководителей хозяйства, предпринимателей, или даже в правителей страны. Но даже и в этом случае, встав у руля государства и производства, по примеру КПСС СССР, ни к чему хорошему профсоюзы не привели бы кроме того, что уже есть в СССР, в Китае и других странах социализма.

Хозяйство многих стран Запада становится таким же, как в СССР или Китае, коллективным, обобществленным. Естественно, с теми же последствиями. Вот данные на 1979 год. «Командные высоты» хозяйства (почта, связь, электроэнергия, газ, уголь, железные дороги, авиалинии, автомобильная промышленность, сталь, судостроение) в Англии национализированы на 90%, в Италии на 83%, во Франции на 80%, в Бразилии на 65%, в Швеции и ФРГ на 60%, в Австралии на 58%, в Канаде на 35%, даже в Японии на 30%. Меньше всего от этой болезни коллективизма пострадали пока США — 13%. Эффективность обобществленного хозяйства на Западе несколько не

выше, чем в СССР, Растранирование, бюрократия, очковтирательство, спихотехника, пренебрежение к потребителю свирепствуют почти так же как в СССР.

Японию пока спасает только традиция японцев интенсивного труда и дисциплины. В США болезнь тоже имеет тенденцию усугубляться. Францию, Италию, Бразилию, Австралию, Швецию и даже ФРГ ожидают в ближайшие 5-10 лет большие неприятности и, в конечном итоге, судьба обнищавшей и хаотической Англии.

Может ли коллективная, обобществленная собственность, каким то чудом, заставить трудящихся Запада добросовестно работать (на свое же благо)? Безусловно, нет. Как и в СССР.

Может быть, колоссальные, монопольные корпорации могут это сделать и привести страны к материальному и духовному процветанию? Нет и нет. В сущности, структура гигантских корпораций почти не отличается от структуры государственного, коллективного хозяйства в СССР. Единственным преимуществом является все еще малый, по сравнению с огромной корпорацией, называемой СССР, размер западных корпораций. Однако, не трудно заметить, что в западных гигантских корпорациях, как правило, процветают и бюрократия и растранирование и пренебрежение к потребителю (трудящемуся). Точно так же, как в государственных западных организациях и в СССР. Рачительного хозяина и в них так же нет. Бесспорным свидетельством малой эффективности корпораций и их неспособности заставить трудящихся добросовестно работать является значительно пониженные их прибыли по сравнению с частными фирмами, а также их явная склонность к убыткам и к вымоганию из государства субсидий. Два миллиона корпораций США имеют 4-5% прибыли от оборота (от объема дела), а 11 миллионов частных фирм — 14%. Целый ряд корпораций, как скажем, Крейслер, государство вынуждено за счет тех же трудящихся субсидировать колоссальными суммами почти наравне с всегда убыточным государственным хозяйством.

Может быть, организовать трудящихся на добросовестную работу и тем вернуть процветание могут частные фирмы? (11 миллионов в США). Могли бы: в принципе, они умеют вести хозяйство расчетливо, знают как оценивать качество и количество труда и могут подвигнуть трудящихся на достойный труд за достойную зарплату. Однако тьма социалистических законов, про-

веденных на Западе, полностью подавила эту способность частных фирм. Частный предприниматель не может теперь ни нанять нужных именно ему работников, ни уволить лодыря. Он не волен и назначать зарплату в соответствии с количеством и качеством труда. Колоссальное количество государственных и профсоюзных регламентаций подавляют его высоко полезную (для общества и трудящихся) деятельность. Нежелание трудящихся добросовестно трудиться и в этом случае пересиливает.

Любопытно, что и для социализма СССР или Китая и для монополизма Запада причина упадка одна и та же: или отсутствие, как в СССР, или подавление, как на Западе, творческой силы миллионов свободных предпринимателей (тоже трудящихся), единственно способной организовать остальную массу трудящихся на творческий, целесообразный труд.

Если политические ценности и политическая ситуация на Западе не изменятся, то Западу обеспечен не только такой же развал хозяйства, как в СССР, но и, возможно, превращение его в колонию СССР или Китая.

Возможно, конечно, что, рано или поздно, трудящиеся Запада, основательно разорившись, смогут понять суть дела. Покончат с национализациями и социализациями. Покончат с гигантскими монополиями-корпо-

рациями, подрезав их размер и принудив их к свободной конкуренции. Покончат с монополиями и привилегиями профсоюзов, приведя к балансу между силой нанимателя и силой работника. Покончат с удушающей государственной и профсоюзной регламентацией предпринимательства и с законами, поощряющими бездельников и неумельцев, и т. п. Этим самым освободят от оков творческую силу миллионов трудящихся, способных, становясь предпринимателями, обеспечить требовательную и рачительную организацию труда остальных трудящихся. Трудящиеся, трудясь, как полагается, обеспечат себе новое и более высокое и материальное и духовное процветание.

Почему и духовное? Потому, что целесообразный, продуктивный творческий труд не может не привести к обретению трудящимися и здорового духовного сознания. Приведет к обретению смысла и перспектив жизни, если человек не имел их раньше.

Поведение трудящихся стран социализма, разрушающее социализм, можно только приветствовать. Можно понимать поведение трудящихся Запада, не одобряя его. Однако новой, послесоциалистической России очень важно при построении ее нового демократического общества учесть не только урок социализма, но и урок Запада и не поддаться на пение сирен — социалистов и, так называемых, «защитников» трудящихся.

ДОРА ШТУРМАН.

ДЕМОКРАТИЯ — ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

ОТ РЕДАКЦИИ: В №2 «Голоса Зарубежья» мы поместили размышления о демократии ректора мюнхенского университета проф. Н. Лобковица. В этом номере мы помещаем главу из книги Доры Штурман «Наш новый мир. Теория, Эксперимент. Результат», главы из которой уже печатались в журналах «Голос Зарубежья» и «Время и Мы». Печатаемая нами глава посвящена размышлениям о демократии. Терминология ее несколько необычна и может в первый момент смутить читателя, но мы просим в статью вдуматься. Нам думается, что она правильно отражает основные принципы демократии. Мы ставим статью на дискуссию.

Но все-таки — что же такое современная демократия? И можно ли ее установить, оберечь, сохранить?

Поскольку для идеалистов и нигилистов демократия означает царство полного равенства, справедливости и к тому же еще и братства, то придется горестно согласиться

с ними, что, действительно, да, на сегодняшний день такая хорошая демократия неосуществима.

Но если подойти к вопросу без меланхолического максимализма и согласиться считать демократией живое политическое устройство, которое Уинстон Черчилль назвал самым ужасным в истории, за исключением всех остальных устройств, то возникает возможность определения:

СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ НЕ ЧТО ИНОЕ, КАК СВОБОДУ ПРОИЗВОДСТВА, ПРОДАЖИ, ПРИОБРЕТЕНИЯ, РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ПОТРЕБЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ РАЗНОГО РОДА, ПРОИЗВОДИМОЙ В КАЧЕСТВЕ ТОВАРНОЙ ПРОДУКЦИИ. ДЕМОКРАТИЯ ПЕРЕНОСИТ В СФЕРУ ПРОИЗВОДСТВА И

ПОТРЕБЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ЗАКОНЫ КОНКУРЕНТНОГО ТОВАРНОГО РЫНКА.

И если явление демократии, которую принято называть буржуазной (или конкурентной), укладывается в данное определение, то нельзя предъявлять этому феномену требований, лежащих вне границ данного определения. Чем шире и последовательней обеспечение свободной конкуренции в областях производства, распространения (сбыта) и потребления информации (в самом широком — применительно к социальной — жизни значения последнего слова), тем шире и последовательней демократия.

Конкуренция подразумевает борьбу разнонаправленных и противоположных тенденций (интересов) стремящихся монополизировать предложение в своей области производства и сбыта.

ПОБЕДА ОДНОЙ ИЗ ТАКИХ ТЕНДЕНЦИЙ И СОСРЕДОТОЧЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕМ В СВОИХ РУКАХ МОНОПОЛИИ НА ПРОИЗВОДСТВО, НА СБЫТ И НА РЕГЛАМЕНТАЦИЮ ПОТРЕБЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ — ЭТО И ЕСТЬ ДИКТАТУРА.

Говоря об информации, я имею в виду не только идеологию, политическую пропаганду, литературу, искусство, философию, научную и техническую мысль, религиозные представления и доктрины, но и все циркулирующие в данном обществе команды и директивы.

Когда Ленин говорит о зависимости производителей информации в буржуазном обществе от «денежного мешка», он прав: информация не может служить средством существования своих создателей и должна быть либо использована ими самими в процессе производства вещественных ценностей (например, крестьянином в его хозяйстве, ремесленником в его мастерской и пр.), либо продана.

В подавляющем большинстве случаев информация — это ТОВАР ТОВАРОВ, ибо как правило она производится для сообщения другим лицам, и без ее обмена на какие-то средства существования ее производитель не может существовать. Ленин обещал при социализме полностью освободить производителей информации от этой поработавшей их зависимости: «Действительно свободой и равенством будет такой порядок вещей, который построят коммунисты и в котором не будет возможности обогащаться за чужой счет, не будет объективной возможности ни прямо, ни косвенно подчинять прессу власти денег, не будет помех тому, чтобы всякий трудящийся (или группа тру-

дящихся любой численности) имел и осуществлял равное право на пользование общественными типографиями и общественной бумагой». (Ленин, т. 37, стр. 495-496).

Заявление это сделано на 1 конгрессе Коминтерна и рассчитано на западных марксистов, воспитанных в условиях свободы печати, мысливших социализм как дальнейшее расширение демократии и мечтавших освободить производителя информации от необходимости продавать идеи.

К моменту этого заявления Ленин уже закрыл большую часть меньшевистских газет и трактовал на практике свободу печати точно так же, как трактует ее новая советская конституция: как свободу защищать социализм (большевизм, советизм).

Однако, повторяю, кто-то должен давать профессиональным производителям информации хлеб в обмен на несъедобные продукты их творчества; кто-то должен оплачивать также технические средства распространения их идей.

Значит, речь идет не об освобождении производителя информации от необходимости продавать последнюю, а о ПЕРЕМЕНЕ ПОКУПАТЕЛЯ: При конкурентной демократии в национальном и международном информационном рынке участвуют **все слои и группы общества**: классы, союзы, корпорации, партии, учреждения и организации, социальные институты, лица — субъекты с несовпадающими и часто противоречивыми интересами. В условиях свободы информационного обращения они имеют юридическое право и чаще всего находят экономические возможности оплачивать те идеи и образы, которые полагают для себя ценными (хотя бы по принципу: «с миру по нитке — голому сорочка»). Здесь, таким образом, «денежных мешков», от коих зависят производители информации, не один, а много.

В условиях монокапиталистической партократии «денежный мешок» **один** и завязки от него находятся в **одних руках**. То, что владелец этих рук есть субъект СОВОКУПНЫЙ, не играет роли, ибо идеология его монолитна и подчинена партийным критериям. В социалистическом обществе всю производимую в обществе информацию может купить у ее создателей **только государственная власть**; то, чего она не санкционирует, в обращение легально не попадает, — разве что по ее недосмотру. Потребитель получает духовную продукцию **только из рук посредника**, который производит отбор и определяет оплату. Все происходит здесь так же, как с предметами материального

потребления в полностью национализированной экономике.

Здесь произведен в области духовного производства переворот, который осуществлен был в области производства материального. Полностью (политическими приемами) победила одна из тенденций монополизации предложения, всегда зримо присутствующих в конкурентном производстве и сбыте. Просто здесь операция произведена над особым видом товара (идеи, информация, а не предметы физического потребления).

Через три года после того, как Ленин говорил Коминтерну о предоставлении всем трудящимся и группам трудящихся разной численности бесплатно бумаги и типографий для пропаганды их убеждений, он с полной определенностью ответил Г. Мясникову в своем знаменитом письме о свободе печати, что коммунистическое правительство будет пускать в обращение только ту информацию, которая соответствует интересам коммунизма в России и в мире.

Как мы уже говорили, один бедняк не может содержать своего полномочного представителя в сфере информационного производства. Но группы людей «разной численности» могут оплачивать выразителей своих интересов и вкусов на общем информационном рынке. Каждая из этих групп, прежде чем оплатить тот или иной духовный товар, оценивает его с точки зрения СВОИХ критериев. Здесь возможны промахи при первых встречах с товаром, но устойчивый спрос обретает лишь тот товар, который выдерживает критерий покупателя (о социальных, экологических, нравственных качествах этих критериев мы здесь не говорим). Поскольку же в обществе фигурирует множество таких фильтров-критериев, то в нем циркулирует многообразная информация. И чем больше подходов к ее оценке и к ее оплате, тем больше надежды, что не потеряются те крупницы ценного, которые затеряны в информационных потоках свободного мира.

Когда же в общественное обращение сквозь фильтры-критерии ЕДИНСТВЕННОГО ПОСРЕДНИКА (между производителем и потребителем информации) проникает легально ТОЛЬКО ОДНА мировоззренческая модель (а именно — модель, объявленная посредником истиной в последней инстанции), — все открыто циркулирующие в общественной умственной жизни идеи и образы ЛИШЬ МНОГОКРАТНО ВОСПРОИЗВОДЯТ И НЕСУЩЕСТВЕННО ВАРЬИРУ-

ЮТ ЭТУ МОДЕЛЬ, а именно мировоззрение посредника (или то, что ему выгодно выдавать за свое мировоззрение).

В таких обстоятельствах в идеологической, умственной и эстетической жизни общества возникает ВИДИМОСТЬ полного единодушия, единомыслия. Происходят массовые потери информации, которые сопровождаются всеобъемлющим, многообразным и неотступным навязыванием обществу одобренного монополистом стандарта.

Эта односторонность создает впечатление массового психоза, страшного обеднения общественного сознания, духовной жизни, творческих способностей общества — впечатление необъяснимой, на первый взгляд, приверженности целых народов к абсурдам, к жестокости, впечатление потери собственного достоинства и тяги к свободе, агрессивности и психологии осажденности, что характерно для подданных всех государств, переживающих устойчивые формы тоталитаризма.

Разумеется, даже в самых стандартизованных ситуациях разные люди мыслят и чувствуют по-разному. Но ведь тех взглядов, которые не выражаются вслух и НЕ РАЗДЕЛЯЮТСЯ С ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ, а также не реализуются в действии, В АКТИВЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКИ НЕТ!

Современный человек черпает свои идеи не столько из личных соударений с действительностью, сколько из школы, прессы, литературы, церковной проповеди, искусства, из источников массовой информации. В условиях партократии все эти (и другие **легальные**) источники ВОСПРОИЗВОДЯТ ОДНУ-ЕДИНСТВЕННУЮ МОДЕЛЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, и волей-неволей эта модель начинает занимать в сознании большинства людей место самой действительности. Она посягает на прошлое, фальсифицирует настоящее и уродует будущее, заставляя воспринимающего ее как реальность человека принимать бессмысленные решения, predeterminedные ею. Ситуация эта отлично воспроизведена в антиутопиях Замятина, Орвела, Брэдбери, Лема, Стругацких и др. Конечно, во многих носителях тоталитарно навязываемой идеологии присутствует чувство несовпадения официальной модели с жизнью. В ряде случаев это ведет к анализу, к самостоятельному исследованию модели и к ее сопоставлению с оригиналом — к высвобождению из-под идеологического диктата, к борьбе с монополией, с ее идеями, с самим принципом

идеологического монополизма.

Но опасный путь выработки собственного мировоззрения, противоречащего стандарту воспитания и всеобъемлющей пропаганде, нелегок и не всегда возможен. Достоянием большинства остается навязываемый монополистом стандарт.

В конце концов, единообразие нарастает по обе стороны фильтра-критерия, т. е. и в области самого производства информации а не только в области потребления, образуемой профильтрованным материалом. Посреднику приходится отсеивать не так уж много идей: нестандартизованные представления возникают все реже: нет материала, понимания, потребности независимо мыслить, неудовлетворенности своим духовно зависимым положением. В такие периоды террор в этой области несколько смягчается: монополист позволяет себе ослабить бдительность; его убаюкивает уверенность в прочности его всемогущества. И тогда начинает стремительно падать уровень идеологического единообразия, что, в свою очередь, требует усиления террора со стороны монополии, если она намерена себя сохранить. Мы были свидетелями подобных циклов в нескольких диктатурах XX века.

Именно то, что в условиях демократии всегда присутствует стремление конфликтующих сил завоевать конкурентный рынок, установить идеологическую монополию и на какое-то время то одна, то другая сила приобретает видимый перевес, подавляет часть своих конкурентов и овладевает в значительной степени вкусами, или сознанием, или симпатиями, или поведением потребителей, — заставляет многих говорить о фиктивности демократии как таковой. Но ведь демократия и заключается в легализованности такой борьбы, а самовоспроизводство демократии требует парадокса: ее нестабильность должна быть устойчивой. Никто не должен побеждать полностью и навсегда. Недоразумение возникает потому, что «настоящая» демократия представляется множеству произносящих это слово людей то как идеализация «вечевого», «сборного», «общинного» РАВЕНСТВА, то как свобода в анархистском понимании слова — свобода от ограничений, налагаемых обществом и государством на личность и на объединения таковых.

Анархия, т. е. свобода личного или группового действия, не ограниченная государственными законами, неизбежно реализует-

ся как примитивное право сильного — как та или иная форма производства. Там, где все свободны делать, что им взбредет на ум, этим правом, естественно, пользуется сильнейший. Банальнейший бандитизм — отнюдь не случайное и не побочное следствие идейного и даже философского анархизма.

Ни «вечевой» способ управления современным государством, ни описанная выше «свобода действия» призванная сменить собой опостылевшую свободу слова, действительно, не реальны в нынешних условиях общественного нашего существования.

Но демократия в том понимании термина, который предлагается здесь, реальна и существует во многих странах. Правда, свободное мышлеизъявление и даже волеизъявление общественного человека отнюдь не тождественно свободной реализации этих мыслей и этой воли. Между волеизъявлением гражданина демократии и воплощением его воли в жизнь лежит общепринятая и узаконенная демократическая процедура БОРЬБЫ ЗА СВОЮ ИДЕЮ, БОРЬБЫ ЗА СВОИ ПРАВА и т. д., причем БОРЬБЫ ПРАВОВОЙ, ведущейся в рамках закона. Следует при этом не забывать, что и сам закон не является в условиях конкурентной демократии объектом «табу».

Управление людьми и процессами находится в демократическом обществе в компетенции определенных инстанций, учреждений и институтов. Но здесь никто не лишен (ИНАЧЕ ЭТО НЕ ДЕМОКРАТИЯ) на деле:

1) права обсуждать вслух и публично законный правопорядок;

2) права пропагандировать свои убеждения, т. е. воздействовать на общественную идеологическую и политическую конъюнктуру;

3) права использовать необходимую (для себя) информацию.

Подчеркнем еще раз: демократия предполагает право для всех своих граждан обсуждать и осуждать законный правопорядок, требовать его изменения, пропагандировать требования его изменения, но не дает им права произвольно его преступать.

Противников конкурентной демократии пугает возможность самоотравления общественного сознания реакционными, (?) вредными, безнравственными идеями,

застраховаться от распространения коих в условиях свободы печати и слова нельзя. По существу своему, это та же боязнь ПРОТИВОРЕЧИВОГО И ЭТИМИ ПРОТИВОРЕЧИЯМИ ДВИЖИМОГО ПРОЦЕССА, что и по отношению к вещественнотоварному рынку. Это все то же ЕСТЕСТВЕННОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ (коль скоро человек не лишен воли и разума) БЛАГОНАМЕРЕННОЕ желание «раз навсегда» определить добро и зло, упорядочить, очистить, застраховать от опасностей, обезвредить для всех и каждого противоречивый ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ механизм социального отбора. Поэтому и возникают все те же вопросы, которые возникают при попытке исключить все рискованное, все угрожающее слабым и неконкурентноспособным из механизма рыночного ЭКОНОМИЧЕСКОГО отбора, — только место вещей заступают идеи и образы.

Вот некоторые из этих вопросов:

1) КТО будет производить за все (?) общество отбор «полезных» или «вредных» (?) идей и образов?

2) На основании какого критерия будет производиться отбор?

3) Какой механизм позволит своевременно собрать, исследовать и превратить в команды, исходные и корректирующие, всю подлежащую исследованию и отбору информацию?

И опять возникает вывод, что ЛЮБАЯ инстанция, монопольно взявшая на себя такой всепроникающий и внеконкурентный отбор, будет действовать вслепую, наугад, ПРОИЗВОЛЬНО, ибо иначе действовать НЕ СМОЖЕТ, ДАЖЕ ЕСЛИ ЗАХОЧЕТ. И в этом случае, как и в области экономической, речь должна идти, по-видимому, не об уничтожении конкурентного механизма, не о политике преимущественно внешних ограничений (кроме тех крайних, рассматриваемых всегда конкретно, в ходе демократической процедуры, случаев, когда такого ограничения требует, по Н. Винеру, «само существование общества»).

Речь должна идти о совершенствовании оценочных критериев потребителей информации — иными словами, о воспитании вкуса, о формировании духовных потребностей — БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ РАЗНООБРАЗИЯ ТАКОВЫХ, о НЕНАСИЛЬСТВЕННОМ ВОЗДЕЙСТВИИ НА ПОТРЕБИТЕЛЯ ИНФОРМАЦИИ — БЕЗ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Я не упускаю при этом из виду оговорку, сделанную выше, в скобках.

— ◆ —

Демократия отнюдь не тождественна не-

противлению злу насилием и должна уметь защищать себя и своих граждан. Ей, как и свободной экономике, не противопоказан ряд общих программ и действий на универсальном и локальных уровнях: государственном, местно - территориальных, общественных, групповых, частных и т. д. Но именно — ряд программ, а не одна «единственно правильная» программа. И безусловно — при сохранении политико-экономического плюрализма.

Демократия — строй очень трудный, ибо возлагает на гражданина, желающего отстаивать свои интересы, необходимость всегда пребывать в состоянии выбора и ответственности. Демократия требует также применения разных подходов к разнородным явлениям. Существовая на планете с агрессивным тоталом и ежечасно продуцируя опасные (в общественном и экологическом смысле) тенденции внутри себя, демократия не может быть воплощением чистого принципа дискуссии. Она должна уметь оперативно перестраиваться при столкновении с чуждыми ей наступательными акциями и структурами, чтобы успеть защититься от их экспансии на том уровне, который эта экспансия ей навязывает. Если роденовский Мыслитель решает загадки Вечности, а над ним в это время заносит свою увесистую дубину неандерталец, первый не может тут же заняться перевоспитанием второго, а должен сперва отразить нападение. Кстати, у роденовского Мыслителя великолепные мышцы.

— ◆ —

Победа «единственно правильного» критерия над всеми прочими (смерть демократии) не избавляет общество от конкуренции. На демократических политико-идеологических, научных и экономических рынках идеологи партии, ученые и художники борются за покупателя, привлекая его каждый своим товаром. В концлагере доносят на товарища оперуполномоченному за дополнительный паек каши. В «большой зоне» «доп-пак» (дополнительный паек) варьируется весьма широко, но неизменно является выигрышем в борьбе рабов за благорасположение рабовладельца. Партократия, таким образом, обладает основным (по мнению многих) «недостатком» демократии — конкурентностью; но недостаток этот, во-первых, доведен здесь до предела (уродливого, как все крайности), а во-вторых, не чреват теми достоинствами, которые вытекают из него в условиях демократии.

Демократия — строй в высшей степени

утомительный, но отдых в условиях отсутствия выбора мы уже испытали. Впрочем, некоторая возможность выбора почти всегда остается, но это может быть выбор между относительным благополучием и длительной пыткой или между жизнью и смертью. В

условиях же экстремально-диктаторских (СССР времен «больших терроров», Камбоджа и пр.) муки и смерть выпадают даже на долю тех, кто заведомо согласен «выбрать» все, что ему прикажут. Так не имеет ли смысла думать о выборе, пока он еще возможен?

ВИКТОР ШАПИЛЬ

НАИВНОСТЬ?

ОТ РЕДАКЦИИ: Виктор Шапиль выехал из Сов. Союза недавно, со времени его выезда не прошло еще года. Но вот он рисует нам положение в СССР так, как и мы его знали из нашего опыта, в противоположность многим диссидентам, представляющим нам Сов. Союз как какую-то уже полуправовую страну, где КГБ далеко не все может. Нам представляется, что картина, нарисованная В. Шапилем более реалистична, чем та, которая возникает после прочтения статей и рассказов некоторых других авторов. Статьи некоторых из них В. Шапиль критикует. Мы бы приветствовали, если бы критикуемые авторы отозвались и объяснили нам, как они видят положение в СССР. Было бы желательно в ходе дискуссии выяснить, кто же дает более реалистическую картину современной коммунистической диктатуры.

С 1917 года на территории бывшей России существует Советская власть; это не для кого не секрет, не секрет и для Запада, а вот каким образом уже на протяжении более полувека люди, хлебнувшие СССР и, по счастливой случайности, вырвавшиеся из ада, продолжают оставаться наивными? Вот — феномен! В газете «Русская Мысль» от 7 августа мы находим вновь этому подтверждение.

«Теперь всем ясно, — пишет архиепископ Антоний, — что прочитанное по телевидению вынужденное заявление о. Дмитрия, было написано не им! Если бы он, как говорится в заявлении, был арестован и предан суду только за «политическую» деятельность, то к чему было ему отказываться от всех своих произведений и слов в целом, которые носят чисто религиозный характер и обличают лишь безбожие?» Так простиительно писать только человеку, родившемуся и выросшему на Западе. Но простому советскому гражданину ясно стало не теперь, а лет на 60 раньше. Правда, и сейчас попадают отдельные индивидуумы, которые говорят: «Мы не знали!» или «Мы верили!», или похожие фразы, но нормальные люди, живущие в СССР, понимают, что никакого значения не имеет — писал или диктовал о. Дмитрий сам или ему диктовали, или за него пи-

сали. Если уж очень захочется, то по телевидению покажут и как он писал, и как осознал свои «преступления». Как же не отказаться от всех своих произведений и слов в целом? Ведь они обличали безбожие, то есть советскую власть. Еще основатель СССР Ленин изрек: «Всякая мысль о Боге есть чудовищная подлость». Даже мысль! Что же говорить тогда о слове, да еще и печатном. Это несравнимо большее.

Верных марксизму-ленинизму коммунистов никогда не интересовало, что кто-то верит или не верит в коммунизм. Для этого они и пальцем не пошевелият. Так неужели они должны волноваться о том, насколько «искренне» покаяние о. Дмитрия? Спектакль устроен, занавес закрыт. Вы думаете, что они ждут аплодисментов? И совсем не трусливо они отправляют о. Дудко из Москвы. Ведь выслали даже академика А. Сахарова. Все исполнено с удовлетворением и гордым чувством исполненного долга. Ведь главное сделано — враг сломлен. «Если враг не сдастся — его уничтожат».

Ваше желание представить «покаявшегося грешника» многочисленным туристам и участникам Олимпийских игр, по меньшей мере, не гуманно и, по-видимому, не входило в сценарий спектакля. Валюты на этом не заработаешь, а то непременно потешили бы туристов; показали бы в любом одеянии, хоть в заезженном костюме агента американской, английской и прочих разведок. Разве такого не бывало? Хоть 10 раз в день выступала бы очередная жертва и перед кем угодно. Гарантия полная, все действие происходит на советской территории, а здесь уж полные хозяева — коммунисты.

Человек слаб. Трудно осудить и сказать, как бы каждый из нас сумел выдержать выпавшее на долю о. Дмитрия Дудко. Он не выдержал. Совершенно неверно и утверждение, что прежде мучители терзали и убивали тело мученика-христианина, а совре-

менные мучают и хотят убить душу, оставив человека живым роботом, послушным им. Коммунисты делали и то и другое с самого начала захвата власти, они делают и то и другое сегодня и будут — пока будет жив коммунизм. Если сегодня не расстрелян отец Дудко, это не потому, что их замучила совесть, а «так надо», так «велит партия». Советские люди, строители коммунистического рая, понимают, что если человек решил открыто проповедывать Слово Божие и Правду Христову, то он должен считаться со всеми вытекающими отсюда последствиями, следствиями и бедствиями. Не каждый способен на такой подвиг. СССР еще раз преподала заученный урок своему народу — кто посягает на коммунистическую «церковь» — тот будет сломлен, разбит и уничтожен. Такие уроки периодически повторяются. Бывают варианты: не смогли сломить А. И. Соколеничу и В. Буковского¹⁾ и решено было их выслать на Запад. Стало известно, что о. Глеб Якунин заявил, что он «не поступит так, как о. Дмитрий Дудко». Дай Бог ему веры, стойкости и силы. Прочим же просто предлагают выехать из СССР по израильской визе. Более сообразительные даже не ждут предложений, а бегут по любой визе, под любым предлогом, любыми правдами и неправдами.

Горячие головы говорят о феномене христианского оживления в СССР. Не нов этот желательный феномен. Такие же фантазии были и в 20-х годах нашего века: «Замечается довольно-таки потрясающий возврат к религиозным обрядам; но, по мнению Горького, следует в этом видеть признак отчаяния и скорее склонность к предрассудкам, чем к религии настоящей: ошибочно думать, что это может иметь какие-нибудь политические последствия». ²⁾ К сожалению, Горький оказался прав в оценке этого явления и сегодня данный феномен существует ровно настолько, насколько его допускает Москва и не без корысти. Если его в СССР захотят сделать обратным, то — будет. Неужели мало уроков, неужели недостаточно Гулага? Есть еще вид эмигрантов, которым все не впрок. Им кажется, что вот-вот и уже пора собирать чемоданы и ехать в освобожденную Россию, что народ мол уже созрел, освободился от заблуждений коммунизма. Им не мешает вспомнить горький анекдот: «При-

ходит на заводское собрание ответственный работник и объявляет: «Завтра вас всех мы будем вешать. Есть вопросы?» Из зала: «Веревки из дома приносить или местком выдавать будет?».

Есть еще вопросы? Но каким образом свежий эмигрант Ю. Белов успел многое забыть? В статье «Все ясно, товарищи» (Русская Мысль. 7. 08. 1980 стр., 6) он пишет: «...Убить слишком примитивно. Последствия убийства были бы ужасны для самих властей». Так могут думать только нынешние диссиденты. Вообще же люди в СССР делятся на «сидентов» и «до сидентов» — те, которые сидят и которые будут еще сидеть. Люди в СССР хорошо знают, что Москву не интересуют последствия и не интересовали, когда преследовали патриарха Тихона, уничтожали сотни тысяч священников, миллионы простых людей. Не следует провоцировать коммунистов еще на большую жесткость, пугая их надуманными ужасами. Этим их не испугаешь, они сами пугнут, кого хочешь. А уж о примитивности — так это прямо какая-то утонченность, изнеженность, эстетизм. Можно предположить, что вы и мата не слышали, а только сплошной «диамат». Если хотите, да, можно и примитивно, можно и целый спектакль с репетицией в несколько действий с прологом и эпилогом, с лечением и без или еще с чем-либо. Это не проблема.

Проблема — как выжить из Запада твердую валюту, новейшую технологию, как обезоружить его. Наивны и фантастичны надежды на то, что «примитивным» убийством священника, — а их уже «примитивно» убито более 100.000, — СССР спровоцирует «неслыханную по масштабам оппозицию христиан во всем мире». Для чего же тогда Всемирный Совет Церквей и неужели, вы полагаете, что Русская Православная Церковь (Московская) не сможет разъяснить случившееся? Неужели человек, который совсем недавно выехал из СССР, так быстро забыл, что всякая «политическая деятельность граждан» не санкционированная властями — есть антисоветчина, т. е. преступление. Можно подумать, что вы жили в стране различных парламентских свобод. В Советском Союзе каждый здравомыслящий знает, советская конституция, пусть сталинская или еще какая-либо — есть советская вывеска — приманка для еще незахваченных стран и, что ее иногда подкрашивают и подновляют, но все законы в Советском Союзе имеют только одно направление — охрану антинародной власти. Такое же положение и с га-

¹⁾ Мы думаем, что сломленность В. Буковского заключается в его проповеди полной легальности по отношению к сов. власти. — Прим. ред.

²⁾ Горький о Ленине и революции (неизданный документ 1922 года). Вестник РХД № 118, 1976 г. стр. 256.

зетами. Не думайте на Западе, что люди в СССР не ссылаются на конституцию или советские газеты для достижения различных целей. Бывают в Союзе такие мероприятия, как реабилитация, даже есть реабилитированные. Но можно и так: амнистия есть — амнистированных нет; снижение цен на товары есть — товаров нет; права человека есть, но прав нет. Это не очень сложная механика. Например, каждый гражданин СССР знает, что у него в стране не бывает повышения цен; это может произойти только в капиталистическом мире; в Советском Союзе может быть только упорядочение цен. Бывает так, что гражданин, прочитав в газете, например, доклад Косыгина, решил, что это очередное мероприятие и осмелится перед первым секретарем райкома партии сослаться на этот доклад. Он может услышать в ответ только: «Что же это вы, гражданин, как то неправильно читаете газеты? Неужели вы не понимаете для кого и для чего это написано?» Гражданин все сразу понимает, что так нужно и очередное мероприятие не касается ни его, ни советского народа в целом. Это для Запада, для господ-буржуев.

Модны стали словечки «Хельсинки», «Хельсинское соглашение», но советская власть понимает их только как признание Западом принципа нерушимости послевоенных границ, как официальное одобрение захвата Москвой чужих территорий: Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии... что же — следующее совещание одобрит нерушимость советских границ в пределах с бывшими территориями Афганистана,..., Ирана,...? Есть в СССР диссиденты — люди, которые имеют возможность апеллировать к Западу и передавать о себе информацию, удобную Западу. Время показало, что на диссидентстве больше выиграло КГБ. Москва заинтересована выращиванием диссидентов в потребном для Запада количестве и для большей его сговорчивости. Особенно поразительно то, как диссиденты неосознанно помогают власти, как они откровенны в своих требованиях к Западу.

«Променяйте меня на нейтронную бомбу,
Променяйте на пачку крылатых ракет,
Променяйте меня хоть на хлеб иль Камбоджу...
Отпустите, пожалуйста, в утренний свет...»³⁾

Диссиденты — советская валюта, ею расплачиваются с Западом и доказывают, что не так уж СССР античеловечен. Хотите инакомыслящих? Пожалуйста. И Запад со спокойной совестью может говорить о детанте; в

переводе на советский язык — разрядка. Разрядку Москва понимает совершенно буквально — в какую еще страну разрядить свою военную мощь. Сегодня это не только Афганистан. А, Запад? Что Запад? Венгрия! Чехословакия! Африка, Афганистан! Олимпийские игры!... Завтра к примеру: Югославия, ЮАР (Южно Африканская Республика). Так чему же тут удивляться. Запад и без нас (вчерашних и сегодняшних эмигрантов) не хуже, а то и лучше информирован о положении в СССР, но хочет видеть и слышать лишь только то, что ему выгодно и приятно.

Да, Дудко сдался, а разве не сдались на милость власти страны, участвовавшие в Олимпийском спектакле? Правда, некоторые без шума, без гимна и флага, но в основном при полном параде. Если кто-то еще обманывается на этот счет (во что трудно поверить), то теперь-то он должен убедиться — Москве плевать на то, что будут писать «буржуазные газеты».

«И вот теперь нам говорят о раскаянии о. Дмитрия Дудко — и мы не можем не заметить, — пишет Ю. Белов, — что он почему-то выбрал для этого самое неподходящее место — тюрьму. А ведь обычно каются в церкви...». Говорят это все не нам и не вам, но уж если вы заметили, что выбрано место неподходящее, так лучше, промолчать. Нехватало, чтобы этот позор был проведен в церкви! Вы думаете, что коммунистам это трудно сделать и они не делали подобного? Делали и сегодня могли бы даже протащить о. Дудко по улицам Москвы. А так «гуманнее». Что из того, что в тюрьме? Так это же для блага о. Дмитрия, для его защиты от «справедливого народного гнева». Или вы полагаете, что у власти нет спектакля «справедливый народный гнев»? Откуда же такая святая наивность? Совсем уж наивно звучит: «...свидетельство этому — миллионы погибших в Гулаге. Они не могли и не хотели делать одно дело с вами, товарищи. И не будут делать одно дело с вами ни молодые христиане, ни свободные художники, ни поработанные вами литовцы, украинцы, латыши, эстонцы, крымские татары». К сожалению, будут. Для этого там в ходу поговорка: «не умеешь — научим, не хочешь — заставим!» Взять хотя бы случай с академиком Вавиловым, который был приговорен к расстрелу как шпион и вредитель. В 1942 г. он в письме к Л. П. Берия писал: «Я был бы счастлив полностью отдать себя своей родине, умереть за полезной работой для моей страны». Но партия сочла полез-

³⁾ Нам нужна ваша помощь, люди... Ж-л «Посев» № 1, январь, 1980 г. стр. 12.

ным поместить его именно туда, где он ей больше всего полезен — в могилу. Пожелание академика было исполнено, — или вы верите, что там не партия, а каждый человек в праве решать — какая работа полезна, какая нет? Разве не привыкли мы к словам: «выполню любое задание Родины» или «куда пошлет меня партия и лично товарищ». Так что, кому власть давала возможность — те могли, а хотели или нет в расчет не берется. Ничего не могу сказать о молодых христианах — не доводилось встречаться, а о крымских татарах, борющихся под именем «великого Ленина» говорить нечего — оборотная сторона той же медали. Там, где на знамени Ленин — добра не жди. Ну, а свободные художники, здесь мне уже «посчастливилось» их видеть, вольно или не вольно льют воду на мельницу власти. В Вене уже были такие выставки на Аннагассе — «Нонконформизм из России» и «Современное русское искусство» — на Штифтгассе 8. Что характерно для выставок подобного рода — низкий художественный уровень экспонируемых работ. Нельзя же отсутствие таланта, способностей, отсутствие культуры и профессиональных навыков прикрыть одним расплывчатым словом — нонконформизм. По темам большинства этих работ могло бы висеть на молодежных выставках, организуемых Союзом Художников СССР, если бы они имели хоть минимальные художественные достоинства. Что же КГБ, власть добились своего — вот вам, Запад, продукция инакомыслящих свободных художников, кушайте на здоровье. Не вкусно? Тогда просим к нам. Что желаете — складень, иконку? В серебре или в золоте? Какой век предпочитаете? Платить только валютой или ... Ну что стоит несколько слов о разоружении, о нейтронной бомбе. Ну, хотя бы будьте лояльны к нам; можем из Третьяковки, а то из Эрмитажа.

И пойдя разберись, кого просили, а кого нет, но звучат со всех концов земли слова подобные: «Нам, христианам, Бог даровал уникальную возможность содействовать выживанию человечества, и марксисты готовы сотрудничать с нами в этом гигантском усилии». ⁴⁾ Или чего стоит такое высказывание, когда власть все силы бросила на вооружение: «Западные государства, — проповедует вице-президент ХМК д-р Герберт

Мохальский ⁵⁾ — особенно моя страна, Федеративная Республика Германии, должны решить, хотя бы иметь нейтронную бомбу или нет. Какую услугу людям в Европе и всему человечеству окажут Церкви Западной Европы и Всемирный Совет Церквей, если они помогут своим общинам, информированным о нейтронной бомбе, и своим правительствам сказать «нет!» ⁶⁾. Не знаю, какую они услугу окажут своему народу, но СССР уже оказали. Результат достигнут — вырвано время, дезориентирована часть общественности Запада, а остальное Москва доделает.

«Советские слова так двусмысленны» — сетует Ю. Белов, но это известно каждому советскому школьнику. С детства он учится говорить дома одно, в школе другое, потом в институте, на работе и так до гробовой доски. Да, советские слова двусмысленны, а чьи слова были просто лживы в Платтингене, в Лиенце? Ладно, это дела давно минувших дней, но на страницах газеты «Русская Мысль» № 3314 от 26 июня 1980 г. слова журналиста Майкла Бэри («Афганистан сопротивляется») не только двусмысленны; теперь это называется досадной путаницей слов «русский» и «советский». «Сколько раз твердили миру», а на приеме в Гуверовском институте 24 мая 1976 года А. Солженицын еще раз подчеркнул: «Термины «русский» и «советский», «Россия» и «СССР» — не только не взаимозаменяемы, не равнозначны, не однолинейны, но — непримиримо противоположны, полностью исключают друг друга, и путать их, употреблять не к месту — грубая ошибка, научное неряшество. А между тем: как легкомысленно эта подмена распространена в сегодняшнем западном словоупотреблении!» ⁷⁾. Но как ни изящна путаница в статье «Афганистан сопротивляется» Майкла Бэри, она совсем не легкомысленна. Она нужна только для желанного ему вывода — советники и бомбы — советские, а убийцы — русские. Да как же это могло появиться на страницах газеты «Русская Мысль»? Опять наивность? Еще раз приведем слова А. И. Солженицына: «...Запад беспечно — и горько для нас — путает в употреблении слова «русский» и «советский», «Россия» и «СССР», а применять первое ко второму — подобно тому, как признать за убийцей одежду и паспорт убитого». Великолепное сравнение,

⁴⁾ Д-р Карои Тот (Венгрия) епископ, генеральный секретарь Христианской мирной конференции. В статье «Божий призыв к солидарности». Ж-л Московской Патриархии № 11 1978 г., стр. 32.

⁵⁾ Там же, стр. 33.

⁶⁾ Герберт Мохальский уже много лет известен в Зап. Германии как просоветский пропагандист. — Прим. ред.

⁷⁾ Солженицын А. Две речи в Стэнфорде. Ж-л «Вестник РХД» № 118, 1976 г. стр. 170.

лучше не скажешь.

Вся путаница нужна лишь для того, чтобы доказать — мол русские виноваты, что коммунизм такой плохой. Жалко свое марксистско-европейское детище; а у нас де он будет с человеческим лицом. Но от того, с какой рожей будет коммунизм, — сущность его не изменится. Советской власти тоже очень хочется по дешевке приобрести какое-нибудь человеческое лицо, заодно очернить всякое инакомыслие и людей бегущих из коммунистического рая. Неоценимую услугу ей оказывают в этом опять же диссиденты, выехавшие на Запад. Разве не на мельницу соввласти и ее КГБ льет воду Кирилл Хенкин, сочиняя нелепую сенсацию: «Примерно у шестидесяти процентов уехавших в деле еще лежит письменное обещание честно сотрудничать с советскими органами разведки»⁸). Таким образом по Хенкину вытекает вывод — все выехавшие из СССР семьи шпионские. Правда, непонятно зачем нужны письменные обязательства, когда можно и без них выполнять задания КГБ — очернить третью эмиграцию. Ведь мы надеемся, что в деле Кирилла Хенкина не лежит подобное обещание. Не меньшую услугу оказала Т. Горичева своим рассказом «Встреча с нечистым»⁹). В ее рассказе кагебешникам только крылышек не хватает. Вот образ кагебешника: он, конечно, суетливо показывает свою красную книжечку и повестку для Горичевой в КГБ, (только пусть попробует по-другому!) и скромно битых три часа ждет в коридоре, переминаясь с ноги на ногу, защищает ее от родителей, выслушивает обвинения Горичевой подобные «...КГБ — самая наглая из всех шаяк» (только за это можно срок схлопотать, а тут все сходит с рук — прим. В. Ш.), терпеливо ожидает, так как Татьяне Михайловне приспичило «Католическую догматику» Ранера почитать; создается полное впечатление, пошли она его в Публичку за книжкой или за семечками на рынок, он и это исполнит. Подстать и второй образ кагебешника — «Сказать ему нечего, бедняге: угрожать он не имеет права — ведь у меня (у Горичевой — прим. В. Ш.) тогда будет веская причина отказаться от диалога с ним (следователь нарушил этику допроса — угрожал). К тому же «голоса» раздуют, разнесут: КГБ угрожает редактору самиздатского журнала «37».

Не шутите, перед вами редактор «все-

мирно неизвестного» журнала, а не какой-то трижды герой социалистического труда академик А. Д. Сахаров, которого без всякого стеснения упрятали в ссылку. Конечно, что «голоса» раздуют — типичное советское обвинение. Заголосят непременно. Кто писал, что в КГБ и лагерях ужасно? Ничего подобного. Горичева и там среди фикусов и диванов продолжает изучать Ранера, а захочет, так и акафист Иисусу Сладчайшему прочтет. Кто же теперь может сказать, что верующих в СССР преследуют, если Горичева в помещении КГБ может молиться? Второго слугу народа она, правда, называет услужливым лакеем-официантом, но смысл от этого не меняется. Так уж Горичева запугала все КГБ, что ее не только отпускают домой, но и расходуют 18 тысяч рублей народных денег на то, чтобы доставить Татьяну Горичеву, Татьяну Мамонову и Наталью Малаховскую в славную столицу Австрии — Вену¹⁰). Не забывает Горичева и показать отношение простых советских граждан к диссидентам, приводя высказывания отца и матери в свой адрес; мать: «Давай подпишу вызов, и убирайся за границу!», отец: «И так позоришь нас перед всей Стрельной — тебя уже монахиней считают. Сколько лет училась — и все зря! В наше время сажают только за дело. А вы — с жиру беситесь. Всех вас давно пора посадить!». Для чего понадобилось Горичевой чернить себя и диссидентское движение, восхвалять работников КГБ, в конце концов, это ее дело, но зачем уважаемый журнал «Посев» помещает это варево на своих страницах? Такой статье место в советской газете, приуроченной к празднику блюстителей порядка. Может быть, сенсации ради?

«Может быть, Запад действительно ищет сенсаций, — пишет Ю. Белов и продолжает, — но вы-то, товарищи, просто не умеете их делать. А вот ваши единомышленники, творившие вместе с вами неправду, бегут и бегут на Запад и раскаиваются по своему собственному человеческому побуждению к добру и правде, а не по принуждению после угроз или заключения в тюрьмах. Вот это сенсация!»¹¹). Не вышло сенсации у Ю. Белова. Да, в самом КГБ достаточно людей, вполне отдающих себе отчет о своей работе, но не каждому представляется возможность отказаться от дьявольской, антихристовой, коммунистической машины.

⁸) Хенкин К. — Русские пришли. Ж-л «Континент» № 22, стр. 297.

⁹) Горичева Т. — «Встреча с нечистым». Ж-л «Посев» № 3, март 1980 г., стр. 12-14.

¹⁰) Нечаев В. — Встреча ленинградских женщин с Западом. «Русская Мысль» № 3323, 28 авг. 1980 г., стр. 3.

¹¹) Белов Ю. — Все ясно, товарищи. «Русская Мысль» № 3320, 7 авг. 1980 г., стр. 6.

Мне пришлось столкнуться с работником ОВИРа. Когда он узнал, что я русский человек тоже, хочу удрать из СССР, он не смущаясь сказал: «Ишь чего захотел! Так каждый бы русский захотел!». Не знаю, насколько его слова соответствуют действительности, КГБ виднее, но мне пришлось сделать на своем лице подобие удивления и воскликнуть: «Правда?!».

Машина работает, перемальвает не только врагов, но и своих же коммунистических вождей; она не жалеет никого — имя ее — Коммунизм-Антихрист. Каждый советский гражданин считается с требованиями адской машины, а если нет, то это «псих ненормальный», как говорил Райкин. То, что Запад не понимает, вернее, не хочет понимать — это тоже его дело, но вот, то что люди хлебнувшие прелестей СССР, еще верят в коммунизм с человеческим лицом или хотят оставаться наивными — феномен!

Уже в эмиграции мне представилась воз-

можность беседовать с борцами за русское счастье и прочесть по этому вопросу изрядное количество литературы. Невольно на ум приходит ассоциация со старым анекдотом. В сумасшедшем доме идет проверка выздоравливающих. Предлагается забить гвоздь в стену. Один псих пытается забить гвоздь шляпкой к стенке; он изранил себе руки, но ничего не получается. Врач спрашивает у остальных: «Кто может?» «Я» — говорит один из них — ведь этот псих не знает, что гвоздь от... противоположной стенки».

Да простят меня за столь грубое сравнение. Исписано горы бумаги, изведено тонны чернил первой, второй и третьей эмиграциями. Наивность господствует по-прежнему. 63 года существует СССР и никто не хочет верить, что он всерьез и надолго, а наша наивность тому порукой. ...Кто же забьет гвоздь в стену?

Вена 1980 г.

Н. ШТИФАНОВ

МОИ ОТМЕТКИ НА ДВУХ СОЧИНЕНИЯХ СОЛЖЕНИЦЫНА

ОТ РЕДАКЦИИ: Статья Н. Штифанова перепечатывается из журнала «Борьба» № 78 с сокращениями, произведенными с согласия автора. Мы думаем, что в ней имеется ряд принципиально важных и интересных высказываний, которые мы здесь ставим на дискуссию. Мы бы приветствовали, еслиб нашелся церковный иерарх, который ответил бы на недоуменные вопросы Н. Штифанова.

Неверно, что только учителя ставят отметки ученикам. Вспомните свои школьные годы. Мы, ученики, тоже ставили отметки учителям. И еще вопрос, чьи отметки были более безошибочными: наши или учительские.

И вот, на правах ученика, я дерзаю поставить отметки на двух сочинениях Солженицына. Оба они короткие и я привожу их полностью.

Сочинение 1-е:

Обращение Солженицына

«Бастующим польским рабочим.

Восхищаюсь вашим духом и достоинством. Вы даете высокий пример всем народам, угнетенным коммунистами.

Ваш Александр Солженицын.
Кавендиш, Вермонт, 20 авг. 1980 г.»

Моя отметка на этом сочинении: пять с плюсом.

Написано сжато, слова применены точно, содержание мудрое.

Наконец-то Солженицын, к каждому слову которого прислушивается весь мир, обратился не к вождям Советского Союза, не к патриарху и архиереям, не к интеллигенции, не к лидерам Запада (включая профсоюзных лидеров), а к **рабочим**, и не вообще к рабочим, а к **бастующим** рабочим. Он применил слова «народы» и «коммунисты», противопоставляя эти два понятия, и тем самым определяя безошибочную границу между угнетенными и угнетателями. Обратите внимание: употребляется слово «коммунисты», а не «власть» или «коммунизм». У «власти» — расплывчатый смысл (бригадир — тоже власть), у слова «коммунизм» — разное толкование (я писал об этом в «Борьбе» № 77, стр. 26), а вот у слова «коммунисты», в применении к Польше и СССР, есть только одно значение: это члены одной-единственной коммунистической партии в стране (надо понимать, что это относится ко **всем** коммунистам, независимо от того, кто из них плохой, а кто хороший; все они **добровольно** вступали в партию, значит, сознательно перешли на сторону угнетателей против угнетенных).

Сказано о духе, достоинстве и высоком примере бастующих рабочих. Оказывается, не только элита, но и рабочие обладают и

духом и достоинством (!) и могут давать высокие примеры. Как это верно! Польская работница, крановщица Анна Валентинович, по своей успешной активности, не уступила никому из польских диссидентов-интеллектуалов, несмотря на то, что диссиденты в Польше — к их чести и к посрамлению наших диссидентов — от народа не оторваны и бастующим всячески помогали.

Кажется, Солженицын теперь уже не пугается, что дело от забастовок может перейти к восстанию, к революции, к гражданской войне (последняя совсем не обязательна) и больше не предупреждает, что народ примется за взаимное истребление, приводя в пример 1917-й год и гражданскую войну в России.

Не будет истребления, Александр Исаевич, не будет! Не те времена и не тот теперь народ. Еще у Власова в Манифесте было сказано «никакой мести», еще при Хрущеве миллионы освобожденных из концлагерей никому не мстили (а имели полное право!), да и теперь никто не призывает к мести, грабежам, разрушениям и убийствам — разве так это было в революции 17-го года? (хотя она тоже ведь недаром же была в начале названа «бескровной»).

Народ не кровожаден и миролюбив. Кроважаны и воинственны всегда правители, когда они садятся в седло и начинают погонять, придя на готовое и, как правило, не участвуя в революционных событиях, а только зловредно подстрекая (Ленин, Сталин, Хомейни). Да даже, на худой конец, если народная кровь и прольется при свержении власти коммунистов, то потери эти ничтожно малы по сравнению с тем, сколько народ уже потерял, будучи покорным, и сколько он еще больше потеряет, если оголтелый империализм коммунистов спровоцирует третью мировую войну.

И теперь над Россией — точнее, над всеми ее народами — нависла вероятность катастрофы, полного уничтожения. Прогресс в области превращения материи в энергию таков, что уничтожение стало вполне возможным для любой страны, в том числе и для великих просторов России.

И если подсчитать в долларах, то оказывается, что самым дешевым способом ударить в самую голову коммунизма — это ударить по всем русским, не различая, кто там в России коммунист, а кто беспартийный. И никто из нас не может предложить Западу что-нибудь дешевле. А если и предложит, то на самых унижительных условиях, превращаясь в ландскнехта, в марионетку,

в изменника¹⁾. Духовные, идейные, моральные и прочие нереальные упования, доводы, надежды, мольбы и просьбы — правительствам и генеральным штабам непонятны (пора бы уже всем, раз и навсегда, зарубить себе это на носу). Западная общественность и отдельные государственные мужи еще иногда могут спасти отдельных лиц (да и то, я вижу, это им уже надоело), но спасти русский народ в целом, как первую жертву мирового коммунизма, ни у кого не запланировано.

«Хуже всего на земле быть русским» — это сказал Солженицын²⁾.

После многих и многих лет героических (и унижительных) попыток наших диссидентов, при содействии (или бездействии) эмигрантов первого и второго потоков, спросим: что-нибудь существенно улучшилось в правах и жизненных условиях всех граждан СССР? А ведь были отпущены достаточные исторические сроки и было уделено завидное мировое внимание. Больше от диссидентов ждать нечего: они совершенно обмелчали и накануне полного краха, разъедаемые к тому же, как я думаю, всякими провокациями массивной коммунистической и русофобской засланной агентуры.

А время не ждет, и надо избежать войны и уничтожения русских. Никаких уже других возможностей нет, кроме одной: не надеясь больше ни на кого извне, беспартийные в СССР должны убрать коммунистов, отменить социализм-коммунизм в стране, выйти из гонки вооружений, отказаться от всех коммунистических сателлитов и объявить полное миролюбие всем в мире, не ослабляя при этом защиту своей страны от возможных агрессоров. Из среды беспартийных — и идейно сразу же перешедших на их сторону рядовых коммунистов — с первых же дней обнаружатся квалифицированные люди, вполне готовые (не так, как было вначале у большевиков) для занятия всех государственных, военных и админист-

¹⁾ Например, подражая коммунистам, Запад мог бы создать свои институты, подобные университету имени Лумумбы в Москве, и свои спецшколы, чтобы подготовить террористов и партизан, и затем, в подходящие моменты, засылать их в СССР для организации покушений и восстаний против коммунистов, и поддержать их всем необходимым извне. Но спрашивается: Запад сделает это для русских бескорыстно? А главное: откуда взять людей для этого? Бойцы из первой и второй эмиграции не подходят по возрасту, из Союза нужных людей не получишь, остается только «третья волна». Из них? Курам на смех!

²⁾ «Архипелаг ГУЛаг» — собрание сочинений, том 5-й, стр. 249, ИМКА-Пресс, Вермонт—Париж, 1980 (новое, исправленное автором издание).

ративных постов и должностей, нужных народу (а нужные коммунистам будут немедленно отменены, и их учреждения ликвидированы). Да эти нужные люди уже находятся на своих должностях) а посты погонщиков над ними занимают коммунисты).

Время еще не совсем упущено. Америка и Западная Европа первые не нападут — куда им! И если Россия освободится от коммунистов, то она немедленно станет другом Америки. Россия и Америка никогда в прошлом врагами не были, а на будущее надо всему миру крепко подумать, что остаются ведь еще и коммунисты Китая. Неужели неясно, в чем заключается правильное решение ненормальной политической ситуации сегодняшнего дня, когда свободный мир, на свою голову, всячески помогает красному Китаю?

Только люди слепые, глухие, умственно-отсталые (и засланные) не видят, не слышат и отрицают, что народ на нашей родине уже бурлит, и уверяют, что народ не сознает своего опасного положения и что он по-прежнему все тот же. Оказывается, он уже почти созрел для активных действий:

- Он применяет слова «они» и «мы», этим точно определяя, кто кого угнетает.
- Он показывает, порой открыто, свое презрение и даже ненависть к привилегированным коммунистам и уж, во всяком случае, никогда не скажет, что коммунисты — передовой отряд трудящихся (иначе чем объяснить, что рабочих, колхозников и рядовых служащих так мало в КПСС?).
- Он в открытую смеется над трепачами, когда они пробуют описать благу будущего коммунизма.
- Он, очень чувствительно для погонял, саботирует коммунистические мероприятия: все эти обрывдые собрания, соцсоревнования, митинги, демонстрации, «выборы», субботники и т. п.
- Между своими люди кроют кого надо, не очень-то боясь.
- Рабочие уже и бастуют (в городах Горьком и Тольятти забастовали раньше, чем поляки в Гданьске; а кто-нибудь их морально поддержал?).
- Немало и других признаков **политического возрождения** народа.

От политэмигрантов — изгнанных, бежавших и легально выехавших — срочно нужна моральная поддержка народу, чтобы он начисто отбросил страх, уверовал в се-

бя и в свою могучую силу, распрямил плечи и поднялся стеной на супостата, как народный герой, богатырь Илья Муромец, идущий сломить злобную силу Соловья-разбойника. Скажут, нужен вождь или лидер или хотя бы вожаки. Я этого не думаю. Никого не нужно преждевременно показывать врагу. В России тоже есть крановщицы не хуже Анны Валентинович, а в решающее время объявится и Минин с Пожарским.

Вот сколько мыслей вызвало у меня короткое, чеканное сочинение 1-е Солженицына.

Сочинение 2-е:

Заявление Солженицына

по поводу суда над о. Глебом Якуниным.

«Бесстыдное советское правительство еще раз вынуждено приоткрыть миру, как оно боится веры в Бога и глумится над правами верующих: расправляется с Комитетом защиты верующих всех религий в СССР — отцом Глебом Якуниным и его сподвижниками Львом Регельсоном и Виктором Капитанчуком. Христиане нашей страны чтут их мужественный и мученический подвиг.

Александр Солженицын.

25 авг. 1980 г. Кавендиш, Вермонт».

А вот тут беда! Не смог я поставить на этом сочинении отметку выше, чем три (да и то с натяжкой).

Сочинение длинноватое, заметны признаки какой-то вымученности и вынужденности, формулировки не лучшие, сказана не вся правда, заявление адресуется неизвестно кому: русским, иностранцам? Поскольку оно напечатано по-русски, я оцениваю его с русской точки зрения. И мне представляется достаточной и правильной только последняя, короткая фраза в этом сочинении. Вот за нее можно поставить балл. А вся первая, длинная фраза мне ничего нового или ценного не сказала и лишь повергла меня в тягостные размышления. Ничего не поделаешь, придется теперь поделиться с читателями этими размышлениями.

Сначала об отдельных словах. «Бесстыдное» — это неудачно; у меня оно ассоциируется с известным понятием: «стыдно — у кого видно», и как-то не вяжется со словом «правительство»

Далее. «Советское правительство», также как и «советская власть» — названия лживые, специально придуманные еще Лениным, чтобы закамуфлировать истинную власть: диктатуру никем не избранных коммунистов во главе с вождем, политбюро и ЦК. Мы все (и я в том числе) настолько привыкли неправильно называть власть в СССР, что начисто забыли: ничего общего с коммунизмом не имеют такие слова, как

«совет» или, скажем, «товарищ» (до революции в России была такая должность: товарищ председателя Совета министров — оба слова вошли). Восставшие в 1921-м году кронштадтские матросы жертвовали своей жизнью за идею: «Вся власть советам, а не партиям». И это не все. Разве «боятся» и «глумится» правительство, а не высшие чисто-партийные органы? И наконец: неужели автор не чувствует противоречия между двумя глаголами: уж если глумится, значит не боится, а если бы боялось, то не глумилось?

Однако — это мелкие придирки, они только характеризуют потерю блеска у писателя, и ничего больше. Хуже другое.

Я сказал о вымученности и вынужденности. Мне пришлось в голову, что после написанного невольный сочинения на тему о Брежневе и глазах священника, Солженицыну надо было как-то откликнуться. А это оказалось нелегко, отсюда и получилось тусклое изложение. Правильно, что о. Глеб Якунин, со своими сподвижниками, оказался мужественным и совершил мученический подвиг и что таких священников надо чтить. Но ведь он — на фоне сотен, тысяч и миллионов великомучеников, священнослужителей и мирян, известных и неведомых, истинно святых, пострадавших и погибших до него за веру в Бога — не исключение. И наказание от властей он понесет сравнительно более легкое, чем те, которых ведь тоже надо чтить и давно пора канонизировать. И возникло у меня тревожное сомнение: а не кроется ли в заявлении Солженицына скрытый смысл, относящийся не только к о. Глебу, но и к о. Дмитрию Дудко? Как бы невысказанное сопоставление этих двух священников.

Ну что ж. Куда-то делось прежнее мужество у писателя и молчит он о деле отца Дмитрия, значит осмелюсь я, грешник и ненадежный христианин, сказать свое мнение. Для меня бесспорно, что о. Дмитрий теперь не должен быть ни осужден, ни восхвален, даже за свое прошлое. Он духовно покончил самоубийством. И в таких случаях уместно только почтительное молчание. И на этом я кончаю говорить об о. Дмитрии персонально. Надо сначала докопаться до корней, кто и как погубил его, наивного, а потом уже можно и больше сказать о нем.

Дело о. Дмитрия, прежде всего, относится ко всем нам. Осуществлена первая в наше время и — из многих задуманных — большая провокация врага, хорошо запланированная, заранее разыгранная, как по

нотам, с дальним прицелом. Надо всем иметь мужество не молчать и не мямлить, а признать это. Ряды тысяч духовных чад отца Дмитрия в смятении, репутация патриаршей Церкви необратимо снизилась, идея святой Руси, как ее понимают в эмиграции, значительно дискредитирована. Попались на приманку безукоризненно честные и порядочные люди среди нас, включая некоторых иерархов и, думаю, самого Солженицына. Ни в коем случае нет места теперь ни осуждениям кого бы то ни было, ни тем более злорадству со стороны тех, кто учуял провокацию раньше других (но тоже не с самого начала ее). Провокация — тема серьезная и, возможно, мне еще удастся дать свое мнение позднее, в отдельной статье. А теперь скажу: поражения и ошибки надо тщательно анализировать, чтобы впредь не попадаться на всякие приманки.

В данном конкретном случае нужна вся правда, а не полуправда, помня, что полуправда порой хуже лжи. Ложь куда легче разоблачить, но когда вам сказали половину правды, а вторую половину проглотили, то не так и просто доискаться, где же истина. Я самым честным и серьезным образом, и без подвоха, обращаюсь к компетентным лицам и, в частности, к богословам с тремя вопросами: 1) Разве дело только в «бесстыдном советском правительстве»? Известно, что совокупно с коммунистами из Москвы на стороне гонителей о. Дмитрия и о. Глеба были также и посланники из Загорска. 2) Не были ли использованы слова св. апостола Павла, что всякая власть от Бога как главное орудие для раскалывания обвиняемых? Разное понимание этих слов у отца Дмитрия и о. Глеба создало разницу в их поведении. 3) Дайте же нам, простым мирянам, убедительное толкование, не мудрствуя лукаво, как надо относиться к боготорческой власти коммунистов, чтобы нам оградиться от следующих провокаций, нацеленных на верующих.

В 20-х годах, в храме Христа Спасителя в Москве, я сам слышал проповедь одного очень образованного архиерея (фамилию не спросил, но помню, он цитировал Анри Барбюса по-французски и по-русски), который внушал не только уверовать, что всякая власть от Бога, но даже и в то, что Иисус Христос был первым коммунистом. Храм Христа Спасителя снесен, но не снесена еще эта проповедь, и она раздробляет православных на две непримиримые части: сначала на «живых» и «мертвых», потом на патриарших и катакомбных, а в эмиграции

на прихожан разных «юрисдикций». Нельзя лавировать между тем, что от Бога и тем, что от дьявола. А что же нам думать и делать?

Что касается возрождения святой Руси, надо, наконец, запрячь коня впереди телеги, а не сзади. Идея эта, в принципе, верная. Следует приложить все старания, чтобы к 1000-летию православия Русь обновилась, покаялась и очистилась. Но поймите: религиозное и моральное возрождение невозможно, когда ростки его обстригаются и опрыскиваются ядом безбожными и аморальными садовниками и их ассистентами в рясах. Не духовное возрождение, а потом освобождение, а наоборот, сначала освобождение — не праведниками, а грешниками — а потом духовное возрождение³⁾.

Нужно поменьше раздувать славу отдельным выдающимся лицам и побольше уделять внимание простым людям. Ведь не зря же наш Спаситель не любил книжников и фарисеев, а любил всех этих рыбаков и мытарей, труждающихся и обремененных, немощных и бесноватых, блудниц и блудных сынов и даже разбойников благоразумных (добавлю от себя еще иванов денисовичей и матрён). Эти простые люди теперь на Руси в большинстве своем лба перекрестить не умеют, многие из них (а также и многие их отцы) нагрешили в своей жизни безмерно⁴⁾, они пьют, сквернословят, лукавят, воруют, комбинируют. Но присмотритесь ближе и вы увидите то, что видел в людях Христос. Их соблазнили, и они не ведали, что творили. Не по злым качествам своих душ они грешат и теперь, а по злой необходимости: им невозможно иначе выжить. Сквернословят они, как правило, не ради похабщины, а чтобы выпустить пары, когда возмущены (это «интеллигенция» похабничает, да еще в печатном виде, — см., например, книгу ученого философа Зиновьева «Зияющие высоты»). Пьют они потому, что душа у них болит и совесть чего-то требует, а не потому, что неисправимо испорчены.

Это не заслуга — любить Русь святую, а вот надо полюбить ее грешную. И не толь-

³⁾ Но не такое скорое, как многим хочется. Я наблюдаю значительное оподление народа, и его не сразу преодолешь. Честные-то люди погибли на войне, в лагерях и расстреляны, не дав потомства, а немало дряни отсиделось в тылу и на теплых местах, оставило потомство и передало ему свои гены. Об этом тоже не мешает помнить.

⁴⁾ Грабили и били «буржуев», оскверняли храмы, помогали коммунистам раскулачивать односельчан, помогали чекистам издеваться над заключенными, были полициями, доносили на невинных и многое другое.

ко полюбить, но и уповать на нее. Мало изученно молиться о грешных в церкви, но, выйдя из церкви, надо хоть что-нибудь и сделать, чтобы помочь им оживиться и освободиться от тех, кто толкает их грешить.

А теперь представьте: грешная масса беспартийного люда, невооруженная, дружно высыпает на площади и улицы в миллионном числе и дружно требует — да это уже свержение власти коммунистов. Народ непобедим и нет у врага таких сил, чтобы арестовать или расстрелять восставшие миллионы: коммунисты — мастера бить только лежащих. Солдаты и беспартийные офицеры — они плоть от плоти из народа. Рядовые партийцы, не сомневаюсь, в большинстве, честно и смело выбросят партийные книжки и перейдут на сторону народа, значит станут беспартийными (и мстить им никто не будет), а верхушка с перепугу начнет снимать с постов, арестовывать и расстреливать друг друга. Знаем мы эту «сворупсов и палачей» (согласно их собственному гимну)! И напрасно политическая секта солидаристов, перепробовав за 50 лет все, что возможно, на кого-то из них теперь надеется (также как в прошлом напрасно Власов надеялся на маршалов Жукова, Рокоссовского и других, а Жиленков и Зыков — на своих друзей, партийных шишек). Если для подавления восстаний в Венгрии, Чехословакии и Афганистане Москва прислала свои танки, то в Москву венгры, чехословаки и афганцы своих танков не пришлют. Кто же может помешать победе народа? Может быть, кто-нибудь скажет: да, но на верхах прольется кровь. Отвечаю: так им и надо! (я предупреждал: я — ненадежный христианин). Или скажут: будут еврейские погромы. А я говорю: не будут! Никто евреев не тронет, если они плечом к плечу пойдут с народом, а не с его угнетателями (у Власова в окружении были евреи и никто их не тронул, а, наоборот, спасали).

Подумайте еще и так: если я буду держаться этой веры в народ и игнорировать все, что мне пытаются раздуть в отношении отдельных лиц, то меня никакая провокация с толку не собьет. Если, предположим, кто-то старается, чтобы я из-за деревьев не видел леса, или старается отвлечь от обсуждения насущных проблем, пичкая беззубой писаниной и развлекая всякими занятными пустяками, то я прямо говорю: **остерегайтесь!**

Вот какие размышления у меня вызвало сочинение 2-е Солженицына.

Понятно вам, читатели, почему я поста-

вил свои отметки Солженицыну? Дело ведь не в отметках, а в русском народе. Если вы меня хорошо поняли — **не молчите!** Надо и нам всем преодолеть страх (у некоторых он длится 35 лет, со времен выдач) и понять, что бояться должны засланные гебистами, но не мы. Пока что враг держится довольно смело, ибо ему удавалось выкупать своих шпионов (по цене: два с половиной диссидента за одного шпиона). Неужели люди не понимают, что в тайной мировой политической торговле диссиденты — только мелкая разменная монета? Что академик Сахаров выслан из Москвы потому, что Запад кое в чем не уступил коммунистам? И что еврейская эмиграция из СССР находится в прямой пропорции от уступок Запада? До сих пор русские эмигранты всех трех пото-

ков либо помогали, либо не мешали евреям бороться за право выезда из СССР. Но теперь, не только для русских, но и для всех национальностей, включая евреев, встала альтернатива: либо диссиденты и дальше должны выигрывать и этим укреплять позиции коммунистов, либо им пора одуматься, чтобы не потерпеть полного фиаско. А выход есть: нужно нагнать московским главам страх, что народ восстанет против них, если они и дальше, будут нарушать права человека, включая право на эмиграцию из СССР.

Я против того, чтобы антикоммунисты ругали или оскорбляли друг друга, но плодотворную дискуссию на тему о русском народе приветствую.

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В СССР В КОНЦЕ СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ (1977 — 1979 г.г.)

(Продолжение. — Нач. см. в № 18).

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ И ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ РПЦ

Московская патриархия все эти годы неподвижно продолжала стоять на своей незыблемой позиции абсолютной лояльности к богоборческой власти, независимо от действий последней в отношении Церкви. Принимая официально полностью все церковные мифы диктатуры, в том числе полную свободу вероисповедывания и невмешательства власти во внутреннюю жизнь РПЦ, патриархия стала пропагандным рупором власти во всех необходимых для последней случаях, практически отказавшись от всяких попыток высказать свои собственные соображения по церковным вопросам, если таковые у ней имелись. Но впечатление остается такое, что общая приниженность ведущих иерархов РПЦ, боязнь нарушить существующее статус-кво и лишиться довольно больших привилегий, которыми пользуются в СССР архиереи, угодные власти, постепенно превратили высшее церковное управление в СССР в молчаливый орган, исполняющий распоряжение «куроедовского министерства» и занимающийся делами, нужными в данное время власти, оставляя на произвол судьбы церковные вопросы, поднимаемые снизу. Судя по материалам, посту-

пающим из СССР, всякого рода прошения и обращения верующих к патриарху или вообще к Московской патриархии, остаются или без ответа или формально пересылаются на усмотрение епархиальных преосвященных, также лишенных возможности что-либо решать без санкций местных уполномоченных куроедовского ведомства. Практически Церковь как общество верующих предоставлена сама себе.

Можно понять, конечно, трудное положение иерархов Московской патриархии, но трудно понять их как христиан, ежедневно, ежечасно извергающих из себя слова и действия, не имеющие никакого отношения к церковной жизни, в том числе и выражение радостных надежд по поводу подписания СОЛТ-2, обращенных к «глубокоуважаемому Леониду Ильичу», характеризующему на страницах ЖМП (№ 8, 1979, страница 2) как «неутомимый и пламенный борец за мир между народами». Объявляя СОЛТ-2 «итогом многолетней и последовательной миролюбивой политики правительства нашей родины и всего советского народа», патриарх Пимен из своей золоченой клетки не мог, конечно, предугадать, что все т. н. достижения СОЛТ-2 через полгода будут сметены с лица земли афганской рез-

ней, устроенной «пламенным борцом за мир» вместе со своими подручными, а миф о миролюбии СССР разлетится, как дым. Но это только частности, о которых прекрасно известно, как о необходимых условиях существования Московской патриархии.

Конец семидесятых годов принес нам совершенно незаменимый для понимания происходящего документ, автором которого явился священник о. Глеб Якунин, запрятанный «гуманной» властью в подвалы Лубянки. Мы имеем в виду «Доклад священника Глеба Якунина Христианскому комитету защиты прав верующих в СССР о современном положении Русской Православной Церкви и о перспективах религиозного возрождения России». Полный текст доклада был издан Вашингтонским исследовательским центром в Сан-Франциско (США) в его 11-ом томе трудов, выпущенном в 1979 г., а сокращенный текст был помещен в Посеве (№ 12, 1979). Этот доклад дает достаточно исчерпывающий материал для понимания ситуации, складывающейся в РПЦ и о тех возможностях, которые открываются перед нею. Ситуация невероятно сложная, непостижимая человеческому уму, выход из которой может быть найден лишь на путях промыслительного смиренномудрия тех, кто так или иначе имеет причастность к решению проблемы РПЦ.

Доклад отмечает кризис, ныне переживаемый Московской патриархией на путях ее безукоризненного служения богоборческой власти. Нам думается, что кризис этот длится уже весьма много лет, но сейчас он приобретает особую остроту в связи с несомненным ростом религиозного движения сопротивления, ставящего московское церковное руководство между двух огней. Попытка власти разгромить и уничтожить движение религиозного диссидентства, несомненно, отразится и на Московской патриархии, эпически спокойно взирающей на происходящее и теряющей авторитет и веру в себя среди широких кругов верующих.

И трагически прав о. Якунин, когда он пишет, что в нынешних условиях «патриаршая харизма фактически остается нереализованным талантом, зарытым в землю». К этому можно лишь добавить, что талант, зарытый в землю, довольно часто похищается силами противоположными. Тому, Кто дал этот талант. И об этом всегда должны помнить все имеющие дело с Московской патриархией в силу ли необходимости, а иногда и без особой необходимости. Такова духовная реальность, на которую не

следует закрывать глаза во имя прагматических интересов текущего момента.

Московская патриархия, как совершенно правильно отмечает отец Якунин, за это время никогда не протестовала публично против гонений на Церковь в целом, на ее отдельных представителей, никогда не осмелилась восстать против закрытия тех или иных церквей, против репрессий христиан, против антирелигиозной пропаганды, против всего того, что разрушало и разрушает и поныне церковь Божию. И если к этому еще добавить реальный факт невозможности получить в РПЦ священный сан или перевод из одного прихода в другой, и даже выход за штат без предварительного разрешения представителя власти, то перед нами встает роковой вопрос, поставленный историей к началу восьмидесятых годов. Что же делать? Продолжать так дальше нельзя, и какой ценой мы должны начать исправлять существующее положение вещей.

И здесь перед нами возникнет необычайно сложная проблема, проблема противоречивая, отчасти намеченная в докладе о. Якунина, но по своему значению и сложности далеко выходящая за рамки его доклада. Для нас ясно, что твердокаменная позиция Московской патриархии становится тормозом на путях церковного возрождения в СССР. Она не хочет и не может стать иной. Для этого у нее нет духовных сил, нет веры в правоту своего дела. Очевидно, пришло время, когда церковные силы, стремящиеся к воцерковлению народа в СССР, должны начать действовать через голову Московской патриархии, через голову власти. Об этом, между прочим, пишет и о. Якунин. Верующие люди, лишенные во многих частях страны духовного окормления, готовы принять православного священника любой православной юрисдикции, лишь бы через него пришла к ним Божия благодать в виде духовного церковного окормления. Что же, спросят многие, — идти на раскол?

Прежде, чем ответить на подобный вопрос, процитируем одно из мест доклада о. Г. Якунина.

«Что должна делать Православная Церковь в условиях, когда государство не разрешает основание новых легальных общин и открытие храмов? Богатый опыт успешного существования в СССР незарегистрированных общин многих протестантских конфессий и католической Церкви дают на этот вопрос недвусмысленный ответ».

Безнадежная закаменелость Московской патриархии, боязнь и явное нежелание заниматься всерьез церковными делами принуждает все живые церковные силы и внутри страны, и зарубежом внимательно прислушаться к тому, что выдвинул в своем докладе о. Глеб Якунин. Открытых православных храмов в СССР осталось ничтожное количество. Не преувеличим, если скажем, что миллионы верующих людей, а равно и приходящих к вере, остаются без духовного окормления. Мало кто из православных христиан, особенно живущих в периферийных районах, где нет открытых храмов, сподобляется хотя бы перед смертью причаститься Святых Тайн и христианского погребения. Но это только пример. Вся жизнь православных христиан в СССР во многих случаях не может быть воцерковленной в силу тех условий религиозной и, в частности, церковной жизни, которые искусственно создает диктатура.

И когда верующие с Камчатки, из города Петропавловска, в котором нет ни одного открытого храма и куда власти разрешают лишь раз в несколько лет приехать священнику из Владивостока, чтобы причащать, соборовать, крестить, заявляют, что они готовы принять священника из любой другой православной юрисдикции, а равно и иерархию, то они в сущности правы.

«Что дает нам одно лишь сознание единства с Московской патриархией, если умирают христиане без Причастия и исповеди, а дети без крещения? Мы готовы принять любую другую иерархию, если к нам не идет Московская патриархия. Пусть то будут греки, американцы, парижане или «карловчане». Пусть кто угодно, лишь бы они нам принесли Божию благодать и свет православной истины». (Документы Христианского Комитета защиты прав верующих в СССР. Том 11, стр. 34. Сан-Франциско, 1979).

Что же означает подобная постановка вопроса? Раскол? Едва ли. Несомненно, с формальной точки зрения правом на духовное окормление на территории СССР имеет Московская патриархия. Но она этого не выполняет или выполняет плохо и недостаточно в силу своей полной плененности и подчиненности органам власти, делающим все для разрушения и уничтожения православия. Да и не только православия. В таком же положении в СССР находится и Католическая церковь, а также ряд других христианских исповеданий и религий. Можно ли в подобных условиях отыгрываться

на букве канонического права, когда духовно гибнут миллионы людей? Думается, что нельзя, ибо повторяем: каноны существуют для Церкви и для ее благополучия, а не Церковь для канонов. А это означает, что в этих чрезвычайных и губительных для Церкви обстоятельствах нужно теми или иными путями, не взирая на формальные условия, дать верующему народу в СССР, лишенному духовного окормления, и иерархию и священство через голову и церковной власти и светской власти. Таков путь, по которому надо идти. Как это сделать? Едва ли нужно объяснять, что открыто печатаемая статья в журнале не является подходящим местом для подобного рода объяснений. Кто пойдет на этот подвиг? Герои духа. Найдутся ли такие? Несомненно. Много ли надо для этого людей? Нет, совсем немного, так как даже два или три епископа, находящиеся на нелегальном положении, могут совершить значительное количество священнических хиротоний, из местного контингента верующих людей. Можно с уверенностью сказать, что недостатка в ставленниках не будет. Впрочем, очевидно найдутся лица и из зарубежных священников, которые захотят послужить воцерковлению населения СССР и не побоятся закончить свой путь подвигом мученичества во имя Торжеств Православия⁴⁾.

В СССР многие исповедания, как католики, баптисты, и другие, наряду с официально существующими храмами и приходами, имеют молитвенные объединения, полулегально или даже нелегально совершающие свою религиозную миссию. Достаточно вспомнить всем известных инициативников, много лет находящихся на нелегальном и полулегальном положении и ведущих непрерывную борьбу с властью. Полулегальное существование, а, быть может, даже в некоторых случаях и катакомбное, особенно для центров свободной части Церкви, является наиболее реальным путем при существующем положении.

Другого пути при создавшейся к концу семидесятых годов ситуации нет и, оче-

⁴⁾ Вышеприведенные соображения, связанные с докладом о. Г. Якунина, и в частности, с его мыслями и предложениями о духовном окормлении православной паствы в СССР, по существу являются чисто теоретическими «выкладками» отвлеченного характера, едва ли имеющими основание для практического осуществления в данное время. Сейчас это невозможно по многим причинам, за исключением, быть может, отдельных промыслительных случайностей. Но история идет неисповедимыми путями и то, что было невозможно в данный момент, станет реальностью в последующий исторический период.

видно, не будет. И когда пишешь эти строки и читаешь письма верующих, приходящие оттуда, то невольно как антитеза на экране памяти появляется «Указ президиума Верховного совета СССР» от 22 января 1979 г., награждающего экзарха Украины митрополита Киевского и Галицкого Филарета орденом дружбы народов. По заявлению патриарха Пимена митрополит Филарет получил этот советский орден, равно как и церковный орден преподобного Сергия за свою «многогранную церковную, экуменическую и миротворческую деятельность» (ЖМП, № 4, 1979, стр.4). Церковные сановники получают церковные и правительственные ордена, верующие люди бьются у порогов патриархии и соответствующих учреждений, прося защиты и помощи от беззаконий власти и безобразных ставленников последней, а благостные иерархи Московской патриархии с благочестивыми, холеными и холодными лицами справляют свои юбилеи, получая из рук представителей богоборческой власти ее антихристовы ордена.

По случаю 50-летия митрополита Таллинского и Эстонского Алексия, управляющего делами Московской патриархии, и постоянного члена Священного Синода, 22 февраля 1979 г. был издан Указ Верховного совета СССР, награждающего его за патриотическую деятельность в защиту мира и в связи с пятидесятилетием со дня рождения орденом дружбы народов. А «товарищ» Куроедов в специальном поздравительном обращении к митрополиту Алексию особо отметил его «активную патриотическую деятельность в защиту мира и дружбы между народами»... Патриарх Пимен, отмечая юбилей одного из самых законопослушных иерархов, не за страх, а за совесть служащих власти, ответственного за деловую взаимосвязь высшей церковной власти с каждой из епархий, от методов проведения которой стонут и духовенство, и верующие, особо выделил труды юбиляра в Советском фонде мира, в Обществе по культурным связям с соотечественниками за рубежом «Родина», а также «усердные труды» митрополита Алексия в Конференции европейских церквей. Отметив непосредственное участие юбиляра в хорошо известной в западных кругах в весьма сомнительной орга-

низации «Родина», прикрывающейся культурными связями с соотечественниками за рубежом, патриарх наградил его орденом преподобного Сергия Радонежского.

Не так давно в Нью-Йорке вышла книга Б. В. Прянишникова — «Незримая паутина» (Нью-Йорк, 1979), посвященная борьбе первой эмиграции с советским наступлением на него. Много места уделено там и так называемой «внутренней линии», явившейся одной из классических форм проникновения советских разведывательных органов в жизнь российской эмиграции. Все это область истории. Но, изучая историю, невольно наталкиваешься на неожиданные аналогии, реализующиеся в новых условиях и в иной обстановке. И когда мы читаем о московских юбилеях церковных сановников, о постоянных посещениях ими западного мира, активное участие представителей московских церковных кругов во всякого рода зарубежных церковных конференциях, съездах и т. п., когда мы видим довольно значительное количество приходов московской патриархии, разбросанных по всем странам мира и неизвестно на каких канонических основаниях там находящихся, упорно не желающих входить в поместные церкви, как это должно было быть, то перед нами всплывает своеобразная и весьма целеустремленная политика, неизвестно кем диктуемая, но тоже напоминающая на сей раз своеобразную церковную «внутреннюю линию», усердно осуществляемую на благо советского богоборческого коммунизма. И каждый, вольно или невольно соприкасающийся с ней, несет на себе ее незримый духовный отпечаток и зримую моральную ответственность за любое соучастие в мировом церковно-богоборческом спектакле, стоящем на грани чего-то, не поддающегося квалификации, но имеющего лишь одно условное оправдание: ущербленное и несвободное духовное окормление несчастного верующего народа. Но и это в данный период дошло до такой грани распада, что перестает быть оправданием и требует совершенно особых мер для своего восстановления. Кем и когда будут приняты эти особые меры? На этот вопрос мы получим ответ от самой РПЦ в ближайший исторический период.

М. Т.

Пятидесятилетие советско-китайского конфликта и трагедия Трехречья

(Продолжение. — Нач. см. в № 18).

Секретные документы, захваченные во время налета в мае 1929 года на советские консульства, дали китайским властям неопровержимые доказательства обширной работы Коминтерна на территории Китая, а также того, что советские не столько заботились о КВЖД, сколько о том, чтобы превратить ее в источник средств на свою работу. Управляющий дорогой Емшанов пользовался деньгами КВЖД на ведение подрывной деятельности против Китая и на выполнение коминтерновских заданий, несмотря на то, что по договору 1924 г. (п. 5) обе стороны обязывались не вести пропаганды друг против друга.

В июле 1929 года китайские власти арестовали видных советских служащих и потребовали от Емшанова сдачи должности китайцу. Емшанов, конечно, отказался, был уволен и вместе с несколькими другими сотрудниками выслан в СССР.

В ответ на это Москва предъявила Китаю ультиматум «нормализовать положение на КВЖД в течение трех дней или она примет соответствующие меры».

В середине июля Москва прервала отношения с китайцами, хотя дипломатических отношений и не существовало. За несколько дней до предъявления ультиматума советские объявили частичную мобилизацию в Сибири и на Дальнем Востоке и начали стягивать свои войска к китайской границе.

Здесь следует заметить, что после капитуляции дальневосточной белой армии в 1922 г. и ее разоружения на территории Маньчжурии стали действовать белые партизаны, одиночками и небольшими отрядами (5-15 чел.) Воспользовавшись смутным временем, один из таких отрядов ворвался в Забайкалье и дошел до города Нерчинска. Другой отряд переправился через реку Усури и напал на советскую заставу в районе Имана. Эмигранты-стражники на службе у китайского правительства в стычках на Амуре убили нескольких советских пограничников. Чтобы не дать советским войскам повода для вторжения на китайскую территорию якобы в ответ на провокации «белогвардейцев» и не довести конфликт до настоящей войны, китайские власти позднее приказали партизанам прекратить их вылазки.

На дороге начался саботаж, для пресечения которого китайские власти арестовали 85 советских железнодорожников на ст. Хайлар и 60 на ст. Пакоту, наиболее активных в политической работе. В ответ на аресты своих служащих Москва сосредоточила у устья Сунгари свои речные канонерки с намерением захватить Харбин. Саботаж же на дороге продолжался, причиняя огромные убытки КВЖД. Китайцы продолжали аресты, и число арестованных дошло до двух с половиной тысяч.

В середине августа 1929 года советские части напали на Далайнор, угольную станцию южнее ст. Маньчжурия. Советско-китайский конфликт начал расширяться. В это время китайское правительство получило встревожившие его сведения, что при Дальневосточной советской армии находятся японские офицеры и что Москва и Япония достигли соглашения, по которому Япония за помощь СССР против китайцев получит концессии на рыбные промыслы в Охотском море. Токио также якобы было против иностранного вмешательства в советско-китайский конфликт. Здесь подразумевалось предложение государственного секретаря США Стимсона разрешить назревавший конфликт мирным путем.

Сначала Москва была готова как будто согласиться на создание временной международной комиссии для управления КВЖД, чтобы не допустить ее перехода в китайские руки. Москва опасалась, что Япония будет поддерживать притязания Китая на КВЖД, и надеялась, что международная комиссия сбережет для нее дорогу, убрав из Маньчжурии ее главного соперника — Японию.

Тем временем, аресты советских служащих на КВЖД продолжались. Были закрыты советские газеты «Трибуна» и «Молва». Советское начальство отдало приказ своим гражданам бросать работу на КВЖД, срывать ее работу в самый разгар усиленного экспорта бобов. Китайцы арестовывали всех, кто бросал работу, и лагерь Сунбей за рекой Сунгари быстро наполнялся арестованными советскими железнодорожниками. Сидевшие в лагере стали известны под именем «сунбейцев». На их места китайцы назначали эмигрантов.

III. СОБЫТИЯ В ТРЕХРЕЧЬЕ.

Трехречьем называется район, граничащий с рекой Аргунью, отрогами Хингана и с линией КВЖД. Населен он главным образом забайкальскими казаками, которые после революции перешли границу Забайкалья и Маньчжурии со скотом и поселились недалеко от границы, образовав казачьи поселения. Сеяли хлеб, разводили скот, имели свои маслобойные и сыроваренные заводы, снабжая своими продуктами маньчжурское население. Самым большим поселком, как бы столицей этого края, считалась Драгоценка, где находилось станичное правление, церковь и школа. Среди населения, как всегда и везде, были богатые и бедные. Политикой жители Трехречья, большей частью хлеборобы, не занимались и мирно прожили до осени 1929 года.

До начала открытых военных действий, приблизительно за полтора месяца до них, в начале октября 1929 года, в Трехречье произошли кровавые события, тесно связанные с конфликтом, всколыхнувшие весь мир.

На 4-й улице в городе Хайларе, (такие же улицы были и на острове) до 1923 года проживал некий Моисей Жуч. После крушения белой армии, когда русские сдавали оружие китайцам на границе, Жуч и его приятель Вольфович встречали там казаков и солдат и предлагали им сдавать наличное золото и серебро, т. к. китайцы его отбирали. Оба выдавали расписки в получении того или иного количества драгоценного металла и обещали вернуть в Хайларе. Когда же расформированные военные попросили Жуча в Хайларе вернуть золото, то он отказался. Он поделился полученным золотом с китайскими чиновниками, и пострадавшие ничего не получили, несмотря на жалобы властям. В 1923 году Жуч скрылся в СССР. Что он делал там все эти годы до появления в Трехречье, никому не известно, но по его поступкам можно легко догадаться.

Сформированный штабом Дальневосточной красной армии отряд красноармейцев под командой Моисея Жуча переправился через реку Аргунь с советской стороны и на заре приблизился к первому казачьему поселку Горбунор, находившемуся на китайской стороне в 150 верстах от советской границы. По рассказам единственного спасшегося в этом поселке старика, на рассвете он вышел во двор к коням. В это время в поселке послышался конский топот, и когда он взглянул в щель, то увидел отряд всад-

ников, приблизительно человек двадцать, а за ними столько, что считать ему было некогда. Успел рассмотреть красные звезды, на конях — пулеметы и вьюки. Старик сообщил, что отряд большевистский, и через заднюю стенку сарая, выдрав плохо прибитую доску, вылез из сарая, приставил ее на место и пополз по сухой траве к сопке, на вершине которой залег и стал наблюдать за отрядом. Верховые спешили, и красноармейцы стали бегать от одной избы к другой, стуча в ворота и окна и приказывая выходить всем мужчинам на назначенное для сходки место. Жены не пустили мужей одних и пришли на сборище вместе с ними. Ребятишки, разбуженные необычным шумом и, как всегда, всем интересующиеся, тоже увязались за старшими. Весь поселок оказался в сборе. Красноармейцы продолжали бегать по дворам в поисках оставшихся, заглядывали в сараи, в том числе и в тот, откуда выполз старик. Когда все жители собрались, не понимая, для чего их согнали в такое неурочное время, старший отряда махнул рукой, затрещали пулеметы и все собравшиеся в несколько минут оказались скошенными и лежащими на земле. Когда смолкли пулеметы, слышен был лишь неистовый крик и плач ребятишек, большей частью малышей лет до семи. Тогда красноармейцы нацелили пулеметы ниже и скосили всех детей. Старик видел все это своими глазами. Старый служака видал виды, но как только застрочили пулеметы, закрыл глаза: не смог вынести. Когда открыл глаза, то все дети лежали вместе со взрослыми. Так как не все были убиты, а частью только ранены и стонали, то красноармейцы, для большей уверенности, чтобы не осталось свидетелей их кровавого злодеяния, приканчивали недобитых штыками, в том числе и малышей.

Перебив все население поселка, красноармейцы начали вытаскивать из изб незавидный скarb деревенских жителей, связывать в вьюки и вьючить лошадей. Скот и лошадей собирали, и часть отряда потащила их к советской границе. Затем натаскали сена в избы и подожгли. От поселка остался лишь пепел с развалинами больших русских печей. Кругом степь и простор, ни живой души не встретишь иногда днями по дорогам Трехречья, редко кто наезжает из других деревень в это время, и у разбойничьего отряда было достаточно времени на выполнение его неслыханного злодеяния.

Спустя несколько лет, когда жизнь во-

шла более-менее в нормальное русло, переселенцы из других мест отстроили новый поселок Чанкыр верстах в трех от уничтоженного поселка, заросшего травой и кустарником. Спасшийся дед Тимашев поселился в новом поселке.

После злодеяния в Горбуноре отряд Жуча направился на восток, к большому поселку Тыныхе. Там повторилось то же самое. Когда согнали мужиков в одно место и стали бегать за молодыми женщинами, то некоторые казаки не выдержали и бросились выручать своих жен и дочерей и были тут же расстреляны. Некоторые женщины и ребята постарше успели убежать кто в степь, кто в сопки. Один хайларский житель, приехавший по делу в Тыныху, спасся тем, что при первых же выстрелах упал, притворившись мертвым. Расстреляв безоружных казаков, красноармейцы стали пристреливать и приканчивать кинжалами стоивших и тех, кто им казался недобитым. Этому притворившемуся мертвым хайларцу прострелили щеку, но не убили, и он всю жизнь прожил со шрамом на щеке. Так же подожгли все дома и разграбили этот довольно зажиточный поселок, угнав скот и забрав все, что можно, на советскую сторону. Убедившие ребятки остались сиротами. Позднее их увезли в Харбин и поместили в приюты, где дали им образование.

После Тыныхи этот красный бандитский отряд прошел огнем и мечом по другим поселкам, убивая и сжигая все попадавшееся ему. Несколько сот казаков было увезено в СССР, где некоторых «разместили» по лагерям, некоторых расстреляли.

Из одного поселка в Хайлар пятеро хайларцев везли на нескольких подводах сливочное масло. Встретив их по дороге, банда выпрягла их лошадей, людей расстреляла и, облив тела маслом, подожгла. Слезы и стенания слышались по всему Хайлару. Автор этих строк собственными глазами видел обуглившийся труп одного из этих пятерых, Пименова, у которого остались жена и четверо малолетних детей. Хоронил несчастных и рыдал весь город Хайлар.

Слух о злодеяниях красных молниеносно облетел не только весь Китай, но и весь мир. Первыми появились на местах трагедии свои и иностранные журналисты. По инициативе американского консула в Харбине Джорджа Хэнсона была назначена специальная комиссия, в которой принял участие пастор Чарльз Леонард и секретарь ХСМЛ в Харбине, Коркоран. Отчет этой комиссии полностью подтвердил рассказанное

спасшимися трехреченцами. Когда приехали хоронить тела убитых, то на телах расстрелянных детей нашли штыковые раны.

О неслыханных злодеяниях над мирными трехреченскими казаками писали газеты «North China Daily News» в декабре 1929 года и 24 апреля 1930 г., 24-го декабря 1929 г. «Pekin & Tientsin Times», 18-го января 1930 г. харбинская газета «Гун-Бао», а в начале 1930 г. — пражский журнал «Вольная Сибирь». Бывший императорский консул в Ханькоу А. Т. Бельченко также писал об этих кровавых событиях.

В адрес глав крупных иностранных государств были посланы протесты против большевистского террора на китайской территории, но весь мир промолчал. После Второй мировой он также промолчал, когда выдавали опять же казаков на расстрел и муки.

Командир этого разбойничьего отряда, Моисей Жуч, через некоторое время опять тайно проник в Трехречье, но на этот раз казаки его опознали и поймали. Вместо того, чтоб уничтожить его, они передали его китайским властям для суда, а те после суда над ним выслали его в СССР.

Эта зверская расправа над казаками и малыми казачатами нашла отражение в стихотворении Марианы Колосовой «Казачат расстреляли», которое приводим ниже полностью.

Стихотворение Марианны Колосовой

«Казачат расстреляли».

Видно, ты уснула
Жалость человечья...
Почему молчишь ты, —
Не пойму никак.
Знаю, не была ты
В эти дни в Трехречье,
Там была жестокость, —
Твой известный враг.
Ах, беды не чаял
Беззащитный хутор...
Люди, не молчите —
Камни закричат.
Там из пулемета
Расстреляли утром
Милых, круглолицых,
Бойких казачат...
У престола Бога,
Чье подножье свято,
Праведникам — милость,
Грешникам — гроза,
С жалобой безмолвной
Встанут казачата...
И Господь заглянет

В детские глаза.
 Скажет самый младший —
 «Нас из пулемета
 Расстреляли нынче
 Утром на заре».
 И всплеснет руками
 Горестными кто-то
 На высокой белой
 Облачной горе.
 Выйдет бледный мальчик
 И тихонько спросит:
 «Братья - казачата,
 Кто обидел вас?»
 Человечья жалость
 Прозвенит в вопросе,
 Светом заструится
 Из тоскливых глаз.
 Подойдут поближе,
 В очи ему взглянут
 И узнают сразу...
 Как же не узнать?
 «Был казачьих войск ты
 Светлым Атаманом,
 В дни, когда в детей
 Нельзя было стрелять».

И заплачут горько,
 Горько казачата
 У престола Бога,
 Чье подножье свято.

 Господи, Ты видишь,
 Вместе с ними плачет
 Мученик-Царевич,
 Атаман Казачий.

(Журнал «Рубеж»
 19. 10. 1929 г. гор. Харбин).

Эмигрантские организации Харбина требовали от германского консула, взявшего на себя защиту интересов СССР во время конфликта, довести о злодеянии в Трехречье до сведения Лиги Наций, что, конечно, не было выполнено. В помощь пострадавшим, однако, стали поступать пожертвования от Американского Красного Креста, общественных организаций и иностранцев.

После этих кровавых событий октября 1929 года, вскоре начались военные действия. (17-го ноября).

В. ПИСАРЕВ

КОМАНДИРОВКА

Товарищи ученые, доценты с кандидатами,
 Кончайте ваши опыты, ядрить и ангидрить.

(В. Высоцкий. Из песни «На картошку»)

— А. В., посмотрите, пожалуйста: в январе будет проходить конференция молодых экологов! — Младший научный сотрудник протягивает заведующему лабораторией лист бумаги.

Заведующий отрывается от стола, сдвигает очки на лоб, шумно сопит и с недоумением смотрит на программу конференции.

— Но ведь это Москва! — уточняет он.

— Москва, — с готовностью соглашается сотрудник.

— Вы разве не знаете, что выезд за пределы республики требует специального разрешения министерства? — недоумевает заведующий.

— Время еще есть, можно послать в Киев запрос, — безмятежно отвечает сотрудник.

— Время есть — денег нет, — отрезает заведующий и снова начинает цапать что-то пером.

— Для меня должны быть деньги, — не унимается молодой человек. — Каждому

ученому положены одна-две научные командировки в год. А я в прошлом году никуда не ездил и в этом году тоже.

Заведующий снимает очки и начинает ерзать в огромном кресле, молча, исподлобья, но пристально глядя на собеседника. И, наконец, изрекает:

— Неправда.

— Что «неправда»? Самая чистая правда! — взрывается посетитель.

— Неправда. Вы и в прошлом, и в этом году в командировках были. И лимит свой полностью издержали. Вы были в Лозовском, Сахновщанском, Кигичевском районах... и в этом... Великом Бурлуке... да... у ученого секретаря лежат ваши собственные заявления с просьбой послать вас в командировки в эти районы. Чего же вы хотите?

У заведующего на лице начинает играть ехидное и нескрываемое торжество: выкрутился. Но младший научный начинает медленно свирепеть:

— Вы отлично знаете, что это были не мои командировки. Меня посылали обком и облисполком. И это командировки совсем не научные, а производственные, да еще и не по специальности!..

На рыхлом лице заведующего торжество сменяется фальшивым демагогическим возмущением:

— Вы же коммунист! А что сказано в программе КПСС о связи науки с практикой?

— Это... это дешевая демагогия! — кричит молодой человек и хлопает дверью.

Такие беседы ведутся в лабораториях всех прикладных НИИ сельского хозяйства СССР и республик каждую осень. Несколько по-иному тот же вопрос дебатировался на партийном собрании института.

— Товарищи коммунисты, областной комитет партии сделал нам выговор из-за перерасхода бюджетных фондов по командировкам и требует, чтобы мы навели в этом вопросе порядок.

Голоса из зала:

— Но ведь обком нас сам и посылает в командировки!

— Сами посылают, а потом выговаривают? Так давайте не ездить в командировки!..

Горький смех в зале.

Жажда одним-двумя гениальными ходами вытянуть сельское хозяйство страны из того болота, в котором оно перманентно пребывает, незабвенной памяти Н. С. Хрущев усилил в своей программе строительства коммунизма пункт о связи науки с практикой. Программа решительно потребовала от научных работников оказания деловой помощи колхозам и совхозам в их повседневной практической деятельности. Этот коротенький пункт юридически закрепил и без того неограниченный произвол советских и партийных властей над учеными. Бросая в самые ответственные моменты свои опыты, прерывая выведение новых сортов, оставляя в уборочную страду институтское опытное хозяйство, круглый год едут ученые в обкомовские командировки за счет института. Селекционеры и агрохимики, энтомологи и физиологи, работники карантинной инспекции и лекторы сельскохозяйственных институтов... Из них формируются кукурзанный штаб, штаб инспекторов по посевной, инспектора по уборочной, по заготовке кормов и прочая, и прочая, и прочая...

Едут заготавливать корма, искать резер-

вы семенного материала, проверять качество искусственного осеменения, форсировать пересев озимых, контролировать глубину заделки семян во время сева...

— Крючки приехали! — приветствуют их на местах агрономы и председатели колхозов.

Командировкам предшествует инструктаж в облисполкоме. Выступает бессменный председатель Харьковского облисполкома А. П. Бездетко:

— Вы едете в хозяйства с ответственным партийным заданием. Помните, если у них не стоять над душой, они и хлеба сеять не будут!

Его сменяет заместитель председателя облисполкома И. М. Кулинич:

— Закрывайте свои лавочки¹⁾: они никому не нужны. Народ и не заметит, что вас нет в городе! Все на поля — будем испытывать вас на излом. Что? Вы не специалист по сельскому хозяйству, вы инженер? Аттестат на среднюю освіту маєте? Среднее образование, говорю, получили? Разберетесь!

Наивно было бы полагать, что власти придерживающиеся собираются таким образом оказать действительную помощь районам. Колхозы имеют запас кормов до декабря. С января они просят корма у государства, которое продает комбикорм колхозам по цене гораздо более высокой, чем общая стоимость того сырья для комбикорма, которое государство скупило осенью у тех же колхозов. И если могучая власть не в состоянии вывести животноводство из постоянного кризиса, то какую реальную помощь может оказать колхозам района присланный в командировку научный работник? Ведь у него не только нет собственного завода по производству кормов, но хуже того: он и по специальности не животновод! И тем не менее, после облисполкомовского «инструктажа», точнее — накачки, он пишет заявление, которое от него вымогают: «Прошу послать меня на десять дней в командировку для проверки санитарного состояния скота и оказания помощи району в заготовке кормов».

Командировка оплачивается из тех самых денег, которые автор злополучного заявления должен был бы потратить на насущно ему необходимые научные командировки в исследовательские учреждения его про-

¹⁾ И. М. Кулинич плохо знаком с научным жаргоном. «Лавочками» или «ликбезами» научные сотрудники называют университеты и пединституты. Прикладные: НИИ именуются «шарашкиными конторами».

филя в Москве или Ленинграде, Воронеже или Киеве. Возникает вопрос: если помочь колхозам выполнить государственные задания эти отрываемые постоянно от дела квалифицированные специалисты все равно не могут, то для чего и кому нужны такие командировки? Они нужны властям, но не для спасения положения, не для пользы дела, а для того, чтобы на очередном совещании бюро обкома или на пленуме назвать конкретных виновников провала очередной кампании, обвинить конкретные районы, колхозы, совхозы в тех недостатках, которые будут указаны в справках, привезенных из командировок. Авторы этих справок должны привезти такой материал, который позволил бы областным властям вывалить в грязь, облить помоями, заклеить позором конкретных председателей колхозов, директоров совхозов, районных и колхозных руководителей и специалистов. Это и значит, по разумению обкомовцев и облисполкомовцев, оказать низовым работникам практическую и необходимую помощь, нацелить их на устранение выявленных недостатков.

Итак, едут в районы ученые. Едут, как говорят им в глаза чиновники обкома и облисполкома, бездельники, которые по двадцать лет над одним жуком сидят, едят народный хлеб, а пользы от них — как от козла молока. Без всяких существенных изменений летят ученым в лицо слова, которые прозвучали впервые тридцать лет назад, на трагически знаменитой сессии ВАСХНИЛ 1948 года: сидят десятилетиями над одной дроздофилой — даром хлеб едят. Правда, теперь под аккомпанемент этих слов с работы не гонят и в тюрьму не сажают, но ни работать, ни чувствовать себя людьми не дают. Мнение чиновников об ученых на удивление точно совпадает с представлениями околонаучного пролетариата: шоферов, монтеров, вахтеров, уборщиц, дворников...

— Раньше дети до пяти лет мух ловили, а сейчас в тридцать лет дурачки мух да бабочек ловят, деньги народные проедают. А ты на них вкалывай. Эх, посадить бы всю науку, да потравить газом, — сладко вздыхает один из представителей класса-гегемона, доставляя ученого к месту его командировки.

Нет силы, которая остановила бы разорительный поток командировочных, превращенных обкомом в своих толкачей.

Из частных бесед известно: директор Харьковского сельскохозяйственного ин-

ститута им. Юрьева Б. П. Гурьев на совещании в секретариате ЦК КП Украины пожаловался, что на эти никому не нужные командировки уходит львиная доля рабочего времени и бюджета института. Ему предложили составить соответствующую справку со статистическими данными. Поостыв, Б. П. Гурьев от этого шага отказался. В самом результативном случае с помощью такой справки он добился бы выговора первому секретарю Харьковского обкома КП Украины Ващенко. Но тогда сам Гурьев должен был бы убраться не только из Харькова, а, пожалуй, и с Украины: партийная мафия житья ему не дала бы.

Командировочных можно условно разбить на несколько групп. Первая — любимцы облисполкома, находящие садистически-извращенное удовольствие в том, чтобы поймать проверяемых на каком-нибудь промахе и перевернуть вверх дном все село, а то и район. На отчетных беседах в облисполкоме такие контролеры обычно кричат, так как говорить нормальным голосом они разучились в тех же командировках.

— Нашел, понимаете, нашел! Проезжаю мимо поля — вижу: ячмень просыпан! Полдня ворочал ведомости — узнал, кто работал на этом поле. Оказывается, у этого расточителя народного добра еще и красный вымпел на тракторе! На следующий же день, как ни открещивались в правлении, что времени у них для этого нет, работа горит (у них всегда что-нибудь горит), — настоял на своем! Собрал собрание. И добился: сняли его с Доски почета и вымпел отобрали!!!

— Как, вы говорите, фамилия этого «героя»? — довольно ухмыляется Кулинич. — Сериков? И на каком это поле?

— Поле номер пять второго кормового севооборота, — с готовностью отвечает «крючок».

Это — ценность: не какая-нибудь отвлеченная болтовня о недостатках централизованного снабжения, а конкретный факт. Его с блеском используют и на совещаниях, и в местной прессе. Главное, что и меры по устранению недостатков тут же приняты: вымпел отнять!

На фоне этой победы все забывают, что этого, с позволения сказать, контролера посылали-то в колхоз совсем по другому делу, с которым он, конечно же, не справился, да и никто справится не сумел бы...

Еще пример. В одной из командировок

группе сотрудников того же института им. Юрьева было дано задание:

— Езжайте в Шевченковский район и определите, почему там низкие урожаи таких-то и таких-то культур.

— Так, Иван Михайлович, там же шестьдесят процентов почв эродировано!..

— Это мы и без вас знаем. А вы вот езжайте и определите, почему там урожаи низкие... И примите конкретные меры по улучшению урожайности...

Если командировочному удастся найти «причины» и «принять конкретные меры» наподобие тех, которые принял упомянутый выше «крючок», то его карьера как командировочного обеспечена: больше, он в бездорожные медвежьи углы не поедет. Любимчики обычно скопом ездят в райцентры, расположенные чуть ли не в пригородах Харькова: в Чугуев, в бывший Змиев — ныне Готвальд, в Дергачи... А в забытую Богом Зачепиловку или в Боровую с их преимущественно грунтовыми дорогами едут по одному-два человека наивные и неисправимые правдоискатели — второй тип командировочных.

В каждом учреждении находится парадругая ясноглазых идиотиков из числа тех, кто относится добросовестно к любому порученному ему заданию. Они тоже пишут отчеты после командировок. Из такого отчета ясно, как дважды два, какое, например, количество туков необходимо внести в колхозные почвы, чтобы улучшить их плодородие. Но... во-первых, область не в состоянии обеспечить хозяйства необходимым количеством удобрений: их просто-напросто не хватает; они фондируются в обрез. Во-вторых, идеалисты всегда ищут, в чем корень зла, и, к несчастью для себя, рано или поздно его находят. Урожайность культур в зависимости от количества внесенных удобрений растет асимптотически, то есть наступает момент, когда добавочное внесение туков дает все меньшую и меньшую прибавку урожая. И тогда дальнейшее удобрение почв становится экономически нецелесообразным. Кроме того, почвы многих районов Харьковской области пребывают в той стадии обеднения, когда и туки не скоро помогут. Другой такой же идеалист, пребывая первого, обязательно попытается доказать это начальству. Идеалисты к тому же выражаются научно грамотно, а многочисленные заместители председателя облисполкома свирепеют от недоступной их пониманию терминологии. Поэтому нет для них более ненавистой категории команди-

ровочных, чем идеалисты-правдоискатели, с некоторыми представителями которых мы в нашем очерке еще встретимся.

Третьей группе (я бы назвал ее представителей прагматиками) на все решительно наплевать. Они приезжают в колхозы, крутятся там пару деньков, потом уезжают домой и вновь возвращаются в хозяйство перед окончанием своих командировок, в институте, разумеется, не показавшись. В день окончательного своего освобождения от командировочной повинности они заходят в районное управление сельского хозяйства и требуют справку для своего отчета в облисполкоме. Работник управления, всем своим видом напоминающий загнанную вконец лошадь, отсутствующе смотрит на вымогателя и отвечает, что ему некогда заниматься справкой.

— Хорошо, — говорит прагматик. — Я составлю сам. Значит так. В колхозе «Заповит Ильича»²⁾ мешки с удобрением свалены в овраг. В совхозе «Червонный»³⁾ в коровниках грязь и паутина по углам, сыро, коровы в сплошную болеют. В «Шляхе перемоги»⁴⁾...

Работник управления вздрагивает и кричит в диспетчерскую:

— Павел Петрович, составь-ка этому товарищу справку для отчета о его командировке.

Павел Петрович, диспетчер, дающий сводки в ЦСУ, является типовым продуктом советской статистической ситуации, то есть очковтирателем Божьей милостью.

Через час справка отпечатана, заверена нужными подписями и печатью и вручается товарищу из области. Еще через день эту справку читают в облисполкоме или в обкоме — раз, второй, третий... В ней есть все и ничего: ни капли информации. Партийный чиновник откидывается в кресле, закуривает, еще раз безразлично смотрит на справку и доверительно спрашивает у товарища, сдающего отчет:

— Ну, а все-таки? Что там делается на местах? Какое положение в районе?

— Так, ведь вот справка. В ней все написано...

— Да... — разочарованно вздыхает чиновник и пишет в углу командировочного удостоверения: «отчет сдан».

Можно выделить еще один тип командировочных — педантов, людей дисциплинированных, которые отсиживают в коман-

²⁾ «Завещание Ленина» (укр.).

³⁾ «Красный» (укр.).

⁴⁾ «Путь победы» (укр.).

дировках, как в лагерях, — от звонка до звонка. Они сродни упомянутым идеалистам, разве что не докапываются до научных корней, а сами стараются, как могут, помочь колхозу. Если командировка не по их специальности, педанты с интересом вникают в новый вопрос, расспрашивают, присматриваются, пытаются разобраться. В райцентре их узнают с первого взгляда и отсылают в какой-нибудь дальний колхоз, где они вместе с колхозными агрономами мотаются с утра до позднего вечера по полям, питаются непонятно где и чем — с неизменной бутылкой водки, а то и первача, которую ставят им и агрономы, и механизаторы, хотя они на выпивку не набиваются. Но ничего не поделаешь: сельские люди гостеприимны и стараются соблюдать этикет. С селянами у них конфликтов нет, с районным начальством — тоже (оно педанта практически не видит), зато впереди...

Справку такой командировочный составляет сам. Она кладется на стол областного чиновника без печати и подписи работников районного управления сельского хозяйства. Командировочный подписывает ее собственноручно и отвечает за каждое слово в ней. В справке подробно перечисляются нехватка конкретных запчастей, численность автопарка, реальное положение с кормами, процент эродированных почв, отсутствие штатных единиц агрономов, недостаток людей на тех или иных работах. В отличие от талантливых идеалистов, педант не умеет отыскать основное звено и поэтому выкладывает на обшполкомовский стол всю цепь.

Информации много, но она никому не нужна. Чиновник багровеет от бешенства и спрашивает сдавленным голосом:

— Где данные по учету урожая кукурузы? Зачем вас посылали?

Командировочный спокойно и терпеливо разъясняет:

— Боровский район входит в животноводческий комплекс Харькова. Перед ЦСУ район отчитывается по мясу, молоку и яйцам. Поэтому нет нужды учитывать зерновую массу кормовых севооборотов: учитывается только силосная масса.

Но обшполкому нужны цифры по зерну, чтобы вписать и их в валовой сбор, иначе область не отчитается перед республикой.

— Почему вы не произвели учета структуры урожая кукурузы?

— Работа трудоемкая. В колхозе нет людей, мне не дали помощников!

— Сколько идет кукурузы на Заготзерно в среднем по району?

— Двадцать центнеров с га.

— Почему? Должно быть тридцать пять — сорок центнеров!

— Я тоже интересовался этим расхождением... Видите ли, как-то в начале лета посетил этот район первый секретарь обкома товарищ Ващенко. Всходы кукурузы были дружные. Он спросил, сколько намерен район получить зерна. Ему ответили, что двадцать пять — тридцать центнеров с га. Он рассердился и сказал, что тут можно взять все тридцать пять — сорок центнеров. Эту цифру и внесли в соцобязательство. А в момент налива зерна упала засуха, и початки получились шуплые, недоразвитые...

— Я это и без тебя знаю, — грубо обрывает чиновник. И поясняет с неожиданной снисходительностью, вызванной, очевидно, тупоумием высокопоставленного собеседника: «Для того, чтобы выполнить цифру товарища Ващенко, нам надо добавить данные по зерновой массе — по колхозам, которые обычно этих цифр не дают. Так какой же все-таки урожай кукурузы в хозяйствах животноводческого пояса?»

Бессмысленность изнурительной командировки и цинизм чиновника выводят из себя усталого и издерганного «педанта». У него отказывают тормоза, и он взрывается:

— Какие вам нужны цифры? Диктуйте, я их проставлю!..

Ситуация критическая. Соседи толкают дурака под столон ногами, тянут за рукав и едва слышно, сквозь зубы цедят:

— Ты что, с ума сошел?

Чиновник принимает отчет и коротко бросает:

— Я вашу фамилию запомню!

Это не очень страшно. Можно теперь взять с ребятами по стакану вина, выпить пива и пуститься в бесконечные разговоры об идиотских командировках. Например, о такой: В Сахновщанский район Харьковской области приезжают двое командировочных. Их издевательски-радостно встречают в райцентре:

— Здоровеньки булы! Чего вас принесло? Ах, по пересеву озимых!!! Да там, в области, что не знают, что мы уже, так их — разэтак, с севом управились? Мы же сводку дали!.. У вас, что, еще снег лежит? Но мы-то гораздо южнее вас, у нас лесов нет, степь. СЕВ КОНЧЕН! Они, видно, думают, что без их звонка и хлеб не сеется?

Командировочные переглядываются: что делать? Один предлагает взять копии актов о пересеве, график посевных работ, прервать командировку и вернуться в институт. Второй, солидный и опытный, возражает:

— Командировку ни в коем случае прерывать нельзя. В облисполкоме такого не любят. Я пока не знаю, что делать, но надо несколько дней покрутиться здесь. Ты еще, видно, не представляешь себе, какие там сидят мастера человека в дерьме вывалить. Придумаем, чем заняться и как отчитаться за пересев.

И как-то отчитываются — за то, что сделано до них и без всякой нужды в их контроле и помощи.

Из одной такой поездки — в колхоз, где к середине декабря запас кормов составлял сорок восемь процентов реальной потребности в них, удрученный увиденным и понимая свое бессилие чем-то помочь, я, не окончив командировки, вернулся в институт и рассказал все заместителю директора Н. Р. Никулину.

— У меня кормов нет! — отрезал Никулин.

— Так, Николай Романович, ведь и у меня кормов нет, — ответил я. — Что же мне делать? Прерывать командировку?

— Ничего не знаю, я вас в командировку не посылал. Вас посылал облисполком — там и спрашивайте, что делать! — ответил Никулин.

Пробиваясь к заместителю председателя облисполкома Бузову. Сообщаю о положении с кормами и прошу помочь.

— Облисполком вас в командировку не посылал. Вы сами написали заявление, где выразили желание помочь району. И деньги за командировку вам платит институт, а не мы. Там и спрашивайте, что вам делать. Да, кстати, какое хозяйство вы обследуете? Что? Это же передовое хозяйство района, а вам велели выбрать самый слабый колхоз!

— Помилуйте, причем тут передовое или не передовое? — удивился я. — В колхозе сорок восемь процентов запаса кормов!..

— Сорок восемь процентов — это же чудесно, — ответил Бузов. — У нас есть хозяйства, которые обеспечены кормами на тринадцать процентов!..

Я не сдержался:

— Знаете, я по просте душевной ду- мал, что полуголодная корова — это плохо. Но по сравнению с коровой, голодной на восемьдесят семь процентов это, дей-

ствительно, достижение!

Черт меня дернул за язык: отчеты по животноводству принимает сам Бузов — через неделю мне придется туго. Но что же все-таки делать?

— Послушай меня, ты еще молодой, — внушал мне один из моих старших коллег. — Возвращайся в колхоз, поболтайся там. Что такое десять дней? Я в 1948 году месяц сидел в районе безвылазно, точно в такой же ситуации. Хозяйство это, действительно, крепкое, специалисты там грамотные, работающие. Они ведь работают?

— Да конечно же, работают, — отвечаю я. — Мотаются по всей республике, как соленые зайцы. Корма ищут...

— Ну и прекрасно. Что-нибудь да найдут. Возьми те цифры, что они показывали в отчетах перед твоим приездом, потом прикинь то положение, что будет у них через неделю после твоего отъезда (в отчетах же, разумеется), и напиши, что это и есть результаты твоих усилий. Да составь отчет посolidней: рационы перепиши, ну, и всякую всячину. И никогда не ходи сдавать отчет ни первым, ни последним. Лучшее всего — за несколько человек до конца...

Я послушал старого воробья — вернулся в колхоз. И как-то выпутался из этого положения по его сценарию.

В Москву я все же поехал, хотя ни времени для подготовки, ни денег на командировку у меня уже не было. Деньги я получил из НТО⁵⁾. На конференции меня журили за тезисность изложения интересного материала и за отсутствие таблиц. Пришлось объяснить, что времени для изготовления таблиц у меня уже не было, ибо я, эколог и энтомолог, занимался весь год обеспечением семенного материала и заготовкой кормов в колхозах области. А во время отчетов в облисполкоме меня бранили за отсутствие в справке данных о росте удои- ности колхозных коров куда злее, чем бранят здесь — за недостаток таблиц и тезисность изложения. Аудитория понимающе посмеялась.

Конец лета 1969-го года. В институте практически никого нет: началась уборка

⁵⁾ НТО — научно-техническое общество. Научный работник, истративший свой бюджет на производственные командировки, при условии регулярной уплаты членских взносов, может раз в два года получить в НТО деньги на научную командировку, которых хватает либо только на проезд, либо только на оплату гостиницы.

хлебов. Наконец, после обследования полей, вернулась в отдел группа энтомологов — три человека. Их уже ждали. Под руководством агрохимика-полевода, специалиста по гербицидам (химические средства прополки), группа была брошена в Близнцовский район Харьковской области. Этот район по решению обкома должен был стать образцово-показательной базой применения гербицидов. Сюда, по личному распоряжению товарища Ващенко, свозят гербициды со всей области. Целую неделю сидят в районе энтомологи и работают с колхозными агрономами. Нужно определить количества вносимого препарата, сроки обработки, составить график работ, чтобы не совпадало внесение гербицидов со внесением пестицидов (химические средства борьбы с вредными насекомыми). Да предусмотреть еще и время, и машины для аммиачной подкормки.

От цифр пухнет голова. Агрономы ругаются: они не хотят применять новые препараты симазин и атрозин. Препараты настолько сильные, что после обработки сорняков они еще и на следующий год угнетают культурные растения. Спор кончается неожиданно просто: оказывается, что этих ядов еще нет на складах, и неизвестно, будут ли. Пересчитываем все заново, ориентируясь на старые яды. При этом агрономы из бедных колхозов неопровержимо доказывают, что с их количеством машин и тракторов они с экспериментом товарища Ващенко не справятся. Колхозы побогаче, пользуясь случаем, просят продать еще трактор или машину, но ведь сотрудники института им ничего обещать не могут...

В конце концов, с грехом пополам рассчитали, прикинули, сверстали ведомости, только вот на подпись их никому из присутствующих почему-то не дали... Давно забыли энтомологи об этой командировке, когда вдруг в приказе по институту прочитали, что руководитель их группы и несколько инструкторов обкома КП Украины за проведенную в Близнцовском районе работу по внедрению гербицидов премированы полутора-двухмесячными окладами. Они-то, видно, и подписали ведомости...

В таких условиях возникают любопытные ситуации, когда загнанные в тупик сотрудники НИИ просят командировку хотя бы уж по специальности. И им иногда идут навстречу. Итак — командировка по специальности.

В народе говорят, что услужливый ду-

рак опаснее врага. Что же тогда сказать о дураке, наделенном неограниченной властью?

Давно прошли времена Лысенко, который обещал выводить новые сорта в течение двух-трех лет. В СССР, при отсутствии теплиц и фитотронов, то есть при невозможности получать два урожая в год, для создания нового сорта требуется минимум восемь лет. Затем сорт передается на государственные испытания. Образцы семян зерновых рассылаются во все климатические зоны Союза, где сорт наблюдается от трех до пяти лет. Сорт, зарекомендовавший себя хорошо в определенной зоне, там же и районировается. Завоз семян, как районированных в данной местности, так и новых, не районированных (для наблюдения и испытания), контролируется Госсеминаспекцией. Конторы Госсеминаспекции автономны и учитываются не перед местными властями, а перед Москвой.

В 1974 году председатель Харьковского облисполкома А. П. Бездетко, услышав краем уха, что в Одесской области сорт пшеницы «Весело-Подольская» дает хорошие урожаи, своей властью, в обход Госсеминаспекции, завез в Харьковскую область большую партию семян. Семена, не прошедшие проверки, оказались зараженными пыльной головней, и летом 1975 года огромные массивы пшеницы были поражены этим грибом.

Сотрудников лаборатории фитопатологии вызвали в облисполком, осыпали мыслями и немислимыми обвинениями в бездеятельности и тунеядстве и отправили в районы для выявления очага инфекции.

Этот сельскохозяйственный детектив был разгадан довольно быстро, и в качестве главного источника инфекции выступила безграмотная инициатива Бездетко. Ну, и что же оставалось делать специалистам, попавшим на этот раз в командировку по специальности? Пойти к председателю облисполкома и сказать: «Андрей Павлович, вы идиот и преступник?» Вы бы пошли? Они, разумеется, не пошли.

Но ведь нужно было составить отчет для облисполкома, то есть для того же Бездетко. Отчет был написан. Полистав его, работники облисполкома Красников и Шеффнер в лоб спросили заведующую лабораторией фитопатологии:

— Вы — что, хотите, чтобы нас посадили?

Отчет был переписан тут же, в кабине-

те. Однако не прошел и второй вариант. Только после третьей попытки отчет был принят работниками облисполкома, но в обком он пошел только в новой, четвертой,

версии, придуманной Красниковым и Шеффером и подписанной заведующей лабораторией.

А что же Бездетко? А ничего, живет!..

В. КОБЫЛИН

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ

В предлагаемой статье, помимо жизненных этапов Леонтьева, его наиболее значительных литературных, критических и общественно-политических произведений, обращается особое внимание на его мировоззрение. Его мировоззрение так резко отличается то всяких «школ», «направлений» и «движений» нашей общественности, что с полным правом можно сказать, что он не имел ни предшественников, ни последователей. Леонтьев — это совершенно неповторимое индивидуальное явление. Для нашего времени, лишенного главным образом эстетического восприятия мира, лишенного переживания Красоты как воплощения духовности в пространственных и временных формах, пронизанных светом, красками, звуками и другими чувственными качествами, мировоззрение Леонтьева представляет собой исключительный интерес и открывает совершенно новый подход к основным ценностям нашего духовного мира.

Константин Николаевич Леонтьев занимает совсем особое место в истории развития русской общественности и мысли. Несмотря на то, что он писал на самые разнообразные темы и необыкновенно живо относился к самым жизненным задачам своего времени, он не имел влияния, несмотря на признанный огромный свой дар. Он остался одиноким, непонятым мыслителем и художником. Подход Леонтьева к вечным темам остался чуждым и непонятым «правому» лагерю, которому он был формально близок, и ненавистен и отвратителен «левому» лагерю.

В своей жизни он не придерживался того, что проповедывал так страстно и убедительно. Все его творчество насыщено волей к власти и культом власти, а в жизни он оставался самым безвластным человеком. Его называют первым русским эстетом и его непризнание и одиночество именно этим и объясняется, так как эстетизм в то время, когда жил Леонтьев, был чужд всем направлениям. Он казался русскому обществу своего времени каким-то чужестранцем. Эстеты появились в России только в нача-

ле 20-го века, да и то они больше подражали западным эстетам, это тогда уже стало модным.

У Леонтьева был также культ любви к женщине, которого русские почти не знают. Леонтьев аристократ по природе и по складу характера, и по убеждению. Во времена Леонтьева почти все русские мыслители и писатели увлекались демократическими идеями — и этими идеями увлекались и правые, и левые. И славянофилы, и западники.

Поэтому Леонтьев совершенно не типичен и не характерен, как славянофилы или западники, он, так сказать, сам по себе. Интересно, что отправным моментом его мировоззрения было разрешение его личной судьбы. У него не было потребности служения людям или объективным ценностям. Он все время занят самим собой. Этим объясняются его вечные скитания, он не находит себе места, меняет профессии и никак не может на чем-то успокоиться.

Жизнь Леонтьева протекала неровно. Ее можно разделить на два периода: до религиозного переворота — и после. Первую половину жизни он искал счастья в красоте, вторую — искал спасения своей души, боялся духовной гибели. Эстетика жизни и религиозный, «апокалиптический» ужас гибели были основными мотивами всей жизни Леонтьева. Его личная жизнь тесно связана с его личными убеждениями, с его мировоззрением.

Будучи дворянином, как и большинство видных людей того времени, К. Леонтьев был настоящим баринком в лучшем смысле этого слова. Он был баринком не только по своему внешнему облику, но и по внутренней своей сущности. И без этого определения была бы непонятна вся его судьба и его мировоззрение.

Константин Николаевич Леонтьев родился 13-го января 1831 года в Кудиново, Мешовского уезда Калужской губернии. Его отец служил в гвардии, а затем, выйдя в отставку, жил помещиком средней руки. Средства у Леонтьевых были небольшие.

Отец не имел никакого влияния на сына и умер, когда Леонтьеву было всего десять лет.

Его мать принадлежала к старому дворянскому роду Карабановых. Влияние ее на сына было исключительным. Дед его, Карабанов, был ярким представителем прежнего русского дворянства. В нем сочетались совершенно противоположные черты характера. Красивый и надменный, великодушный и преданный отечеству, смелый и любивший все прекрасное, он в то же самое время был властолюбив, подозрителен и жесток. И вот некоторые из этих черт деда унаследовал внук.

Образ матери занимал очень большое место в его воспоминаниях. И эстетические, и религиозные впечатления, всегда сильные у Леонтьева, связаны с образом матери. Он всегда вспоминал годы, проведенные в родном поместье, где и зародилось его эстетическое восприятие окружающего его мира. Леонтьев так и прожил всю жизнь под обаянием красоты русской усадьбы. И возненавидел все, что убивало эту красоту. Либерально-эгалитарный прогресс убивал все то прекрасное, что было для него связано с образом матери и родной усадьбой.

После окончания гимназии Леонтьев учился на медицинском факультете Московского университета. Пройдя естественно-научную школу, он навсегда остался, если можно так выразиться, натуралистом по складу своего мышления. Натурализм был связан с эстетизмом, а позднее и с его религиозностью. Леонтьев сравнивал процесс упрощения в общественной жизни с процессом болезни. В этом случае он это делал как анатом и патолог.

Характерной чертой Леонтьева была его ясность ума, чуждая метафизического глубокомыслия. Интересно, что, будучи глубоким мыслителем, он не был философом ни по характеру своего образования, ни по складу ума. Мышление его было всегда художественное и образное. Он избегал каких-либо абстракций и был реалистом и в беллетристике, и публицистике.

В свои студенческие годы Леонтьев много болел, нуждался в деньгах и чуждался товарищей. Он был очень красив и признавался, что успех у женщин его радовал больше, чем признание его таланта. Его первым литературным произведением была комедия «Женитьба по любви», написанная в 1851 году. Эта вещь имела успех, а когда он уже в зрелом возрасте писал свои лучшие произведения, они встретили и невни-

мание, и непонимание.

Во время Крымской войны он отправился на фронт, где и был батальонным врачом. Любовь к войне и идеализация войны остались у Леонтьева навсегда. Он видел в войне противоположность современной буржуазной цивилизации. Но в скором времени его начала тяготить жизнь военного врача. В 1857 году он вернулся в Москву. Затем он прожил два года в имении баронессы Розен как домашний врач. Но его тянуло в Петербург. Он уже начал себя осознавать как писателя по призванию.

Как это часто бывало со многими, стремившимися быть в центре культурной жизни страны, Петербург не оправдал его надежд и принес много разочарований. Литература не давала Леонтьеву обеспеченного положения и ему пришлось давать уроки и заниматься переводами. Разочарования еще заключались в том, что его идеи резко отличались от господствовавших в 60-е годы. Он был одинок в своем эстетизме. Культура красоты была чужда людям того времени. Леонтьеву же были чужды либерально-демократические идеи и настроения. Чрезвычайно интересно, что его политические взгляды сформировались не под влиянием отвлеченной мысли, а под влиянием образных впечатлений. Он стал консерватором, но был далек от консервативной общественности того времени. Стал же он консерватором, так как сословный порядок, церковные установления, военные традиции и бытовые обычаи давали ему ощущение разнообразия и красочности, почвенности и иерархической стройности. Образ прекрасного был для него всегда связан вот с этим разнообразием. Общество, лишенное разнообразия и стремящееся к равенству, лишалось красоты. И это стало его символом веры. Критерий красоты стал критерием жизненности.

Но этот перелом нелегко дался Леонтьеву. Ему пришлось отказаться от дружеских отношений с Тургеневым, от всех западных влияний, от гуманизма. В романе «В своем краю» его герой Мильнеев говорит: «Идеал всемирного равенства, труда и покоя? — Избави Боже! — Нам есть указание в природе, которая обожает разнообразие, пышность форм; наша жизнь по ее примеру должна быть сложна, богата. Главный элемент разнообразия есть личность, она выше своих произведений. Что лучше — кровавая, но пышная эпоха Возрождения или какая-нибудь нынешняя Дания, Голландия, Швейцария, смиренная, зажиточная, умеренная? Прекрасное — вот цель жизни, и добрая

нравственность, и самоотвержение ценны только как одно из проявлений прекрасного, как свободное творчество добра». («В своем краю». СПб, 1901 г.).

Для русской общественности того времени это было что-то совершенно новое, но, увлеченная либерально-демократическими идеями, она не могла услышать этот голос. Этот голос был услышан значительно позже, уже после Ибсена, Бодлера, Верлена и других эстетов.

У Леонтьева было большое художественное дарование, но религиозный кризис остановил это творчество. Он был новым и оригинальным художником, но его произведения написаны неровно. Леонтьев был, конечно, импрессионистом, а в то время об этом еще ничего не говорилось. В истории русской литературы ему не отводится место, и об этом стоит только пожалеть. Он любил красивое и отвращался от уродливо-го, что так редко в русской литературе.

В 1861 году Леонтьев обвенчался с Политовой, полуграмотной, но красивой уроженкой Крыма. Впоследствии она сошла с ума, и Леонтьеву пришлось жить с женой, находящейся в состоянии слабоумия. С 1863 года начинается его дипломатическая служба. Он был сперва секретарем консульства на Крите, затем вице-консулом в Адрианопле, затем консулом в Янине, а потом консулом в Салониках.

Служба на Балканах была самым радостным периодом в жизни Леонтьева. Жизнь на Востоке дала необыкновенно сильные импульсы для его творчества. Самые значительные произведения его написаны под влиянием переживаний и мыслей, рожденных на Востоке. Там окончательно сформировалась его духовная личность, его политическая и религиозная мысль и окрепло его художественное творчество. Можно думать, что если бы Леонтьев не служил дипломатом на Балканах, то его творческий облик был бы иным. Его творчество и мышление насыщено образами Востока. И эти образы неразрывно связаны с красотой и радостью жизни.

Он любил Константинополь с его красочной жизнью смеси Азии и Европы. Он любил также красоту старой Европы, но его отталкивала современная буржуазная Европа. Все надежды его на цветущую и сложную культуру были связаны с Востоком. Он придавал всегда большое значение внешнему стилю жизни. Леонтьева более всего заботила не эстетика искусства, а эстетика самой жизни. Его надежды были связаны с

духом Византии, с греческим православием и с Турцией, которые препятствуют либерально-эгалитарному прогрессу и спасают от разложения. В это время он написал несколько красочных повестей из жизни христиан в Турции. Лучшая — «Египетский Голубь».

В это время произошла какая-то распря церковного характера между греками и болгарями. Леонтьев стал на сторону греков, из-за этого у него вышло разногласие с русским послом в Константинополе Игнатьевым, и это обстоятельство сделало затруднительным его дальнейшую службу на Востоке.

К этому же времени относится и его духовный кризис, изменивший всю его жизнь. Началось разочарование, утомление, сомнения. Прошло упоение жизнью. Земная радость, земное счастье — грех. А всякий грех несет за собой неотвратимую кару.

В 1871 году Леонтьев заболел и решил, что положение его безнадежно. Его охватывает ужас смерти. И в это время с ним произошло религиозное перерождение. Религиозный ужас после этого остался у Леонтьева навсегда. С этого времени жизнь его становится совсем другой. Он ищет спасения души. Он дает обет поступить в монахи, если останется жить. После этого у него всю жизнь оставалось сильное желание уйти в монастырь. Жизнь его раздваивается: он еще долго остается в миру, но тоска по монашеству не дает ему покоя.

После выздоровления Леонтьев отправляется на Афон. С небольшим перерывом он остается там около года. Афонские старцы делают его духовными руководителями. Леонтьев возвращается в мир, но решает раньше или позже уйти в монастырь. Он выходит в отставку и поселяется на долгое время в Константинополе. Внутренне он стал другим человеком, хотя и ведет почти прежний образ жизни. Этот период жизни был самым плодотворным в литературном отношении. В это время он написал самую значительную свою вещь «Византизм и Славянство». У него выработалось особое мировоззрение, и он изложил его в этом произведении. В 1874 году Леонтьев навсегда покидает Восток и возвращается сначала в Москву, а потом в Кудиново. Начинается новый, трудный период его жизни.

В своем труде «Византизм и Славянство» Леонтьев хочет найти формулу органического развития общества. Понятие развития у Леонтьева чисто натуралистическое, оно взято из естественных наук, и в нем нет нравственной оценки. Он хочет найти не

только формулу органического развития общества, но и формулу наибольшего органического совершенства общества, формулу его высшего цветения. Он объясняет это постепенным восхождением от простейшего к сложнейшему, постепенной индивидуализацией, обособлением с одной стороны от окружающего мира, а с другой — от сходных и родственных организмов, от всех сходных и родственных явлений. Происходит постепенный отход от бесцветности, от простоты к оригинальности и сложности. Затем развивается постепенное усложнение элементов составных, увеличение богатства внутреннего и в то же время развивается постепенное укрепление единства. Так что высшая точка развития не только в органических телах, но и вообще в органических явлениях — есть высшая степень сложности, объединенная неким внутренним деспотическим единством.

Но всякий живой организм не только развивается, но и разлагается, идет к смерти.

Что такое разложение и какова формула разложения? — Леонтьев утверждает, что разложению и смерти предшествуют следующие явления — упрощение составных частей, уменьшение числа признаков, ослабление единства, силы и вместе с тем смешение. Все постепенно понижается, смешивается, сливается, а потом уже распадается и гибнет, переходя в нечто общее не собой уже и не для себя существующее.

Для Леонтьева в обществе происходит совершенно тот же процесс, что и в организме. Разложение, упрощение и смешение есть болезнь, ведущая к смерти. Период смесительного упрощения есть период дряхлости общества. Равенство всегда есть дряхлость. Все государственные организмы и культуры подчинены: первичной простоте, цветущей сложности и вторичному смесительному упрощению.

Применяя эту формулу к новой истории, Леонтьев утверждает, что мешанство современной Европы и либерально-эгалитарный процесс и есть третий период. В европейских обществах начинается одряхление и смерть. Развитие кончилось и началось разложение. То, что теперь называют «прогрессом» современные либералы, демократы и социалисты, и есть разложение, умирание. Европа пережила период «сложного цветения» в эпоху Возрождения. Вся Европа с XVIII столетия уравнивается постепенно, смешивается вторично. По Леонтьеву, все современные силы являются лишь слепыми орудиями той таинственной воли, которая

шаг за шагом демократизирует, уравнивает, смешивает социальные элементы сперва всей Европы, а потом и всего человечества.

Леонтьев устанавливает тождество красоты с жизнью, с бытием. Эстетическая ценность для него — первоценность. В основе этой философии лежит отождествление эстетики и биологии, красоты и жизни. Закон красоты находится в разнообразии, заключенном в единстве.

Основная идея Леонтьева — это необходимость и благость неравенства, контраста, разнообразия. Леонтьев защищает мораль сильных и ярких индивидуальностей, мораль героическую против морали утилитарной, демократической середины. Идея всеобщего блага для Леонтьева была безнравственной идеей.

Леонтьев полагал, что единственное, что успело развиваться в России — это государственность. Только обручем власти держится русский народ. Поэтому надо беречь силы, предохраняющие от распада: власть, древние византийские предания и церковь. Прогресс и культура неминуемо влекут за собой обезличение народа, тяготение к одним только материальным удобствам, постепенное разложение в безличной, всемирной пошлости.

В 1874 году Леонтьев ездил в Оптину Пустынь и там познакомился со старцем Амвросием, который имел исключительное влияние на его дальнейшую духовную жизнь. Леонтьев писал в газетах, но газетным публицистом он не был и писал только из-за материальных побуждений.

Шесть лет он служил в Московском цензурном Комитете и это был самый тяжелый период его жизни. В 1886 году Леонтьев опять серьезно заболел и был при смерти. Наконец, в следующем году вышел в отставку и переехал в Оптину Пустынь на покой. Леонтьев снял у ограды монастыря дом с садом. Сюда он выписал свою больную жену, с которой жил врозь до этого, своих слуг, нанял повара и зажил полумонашеской, полупомещичьей жизнью. В этот период он написал свои критические произведения, из которых лучшее — «Анализ, стиль и веяния».

В августе 1891 года он принял тайный постриг с именем Климента. После пострижения он навсегда покидает Оптину Пустынь и поселяется в Троице-Сергиевской Лавре. Вскоре по приезде он заболел воспалением легких. 12 ноября 1891 года Леонтьев умер.

Сейчас коснемся вкратце его критиче-

ских работ. Прежде всего необходимо отметить тот совершенно особенный подход Леонтьева, который так не похож на все другие критические работы того времени. Он так оригинален, так самобытен и так, конечно, пристрастен, как никто другой. Но это кажущееся пристрастие сразу объясняется, если приведем его мировоззрение. Все свои суждения, все свои высказывания он подчиняет одному критерию, одному императиву — эстетической оценке. Он не побоялся высказывать взгляды, которые были диаметрально противоположны тем взглядам, которые господствовали в то время и в литературе критической, и в публицистике. Это, конечно, было реакцией на все, что происходило тогда в этой области. Об эстетизме тогда никто и не думал. Леонтьев обращает свое внимание главным образом на форму, объясняя почему он это делает. Его слух оскорбляет все, что излишне. Он допускает даже изображение чего-то уродливого, если это необходимо для изложения. Миросозерцание Леонтьева формируется как миросозерцание «эстетического аморализма». В этом его сходство с Ницше. Леонтьев допускает существование страдания во имя пышности форм жизни. Конечно, такое понимание категории красоты лишает ее всякого нравственного содержания. Если несколько глубже и внимательнее посмотреть на жизнь, то не трудно заметить, что в жиз-

ни сочетается красивое с уродливым, светлое с темным, прекрасное с отталкивающим.

В заключение нужно сказать, что как и у всех, у К. Леонтьева в его творчестве была как положительная, так и отрицательная сторона. Леонтьев был аристократическим мыслителем, защищавшим неравенство во имя красоты жизни и высших начал культуры. В стремлении к равенству он видел дух смерти и небытия. Он первый увидел роковой переход культуры в цивилизацию. Он отрицал гуманизм, и в этом была своя правда.

В религиозном сознании К. Леонтьева не было ответа на религиозную проблему всего мира и человека. Он искал личного спасения, но не искал Царства Божьего. К. Леонтьев остается живым и для нашего времени, для нашей социальной, религиозной и художественной мысли.

Отрицательной стороной творчества К. Леонтьева является его органическая неспособность увидеть красоту не только в красивых формах жизни, но в духовных переживаниях человека. Отсюда его непонимание Достоевского. Отсюда его односторонний эстетизм и крайне пристрастные суждения.

И все же К. Леонтьев чрезвычайно интересный и тонкий мыслитель, и его имя навсегда останется в истории развития русской мысли.

Послесловие

Помещая с благодарностью статью В. Кобылина о самом самобытном русском мыслителе — К. Н. Леонтьеве, мы не можем не возразить на некоторые тезисы автора.

«Эстетическим аморализмом» можно назвать воззрения Леонтьева только первого периода его жизни, т. е. до религиозного обращения. Плохо бы было его обращение к сознательному христианству, если бы он и после обращения остался аморалистом. Нет, оставаясь эстетом, Леонтьев как раз постиг духовную красоту христианства. Здесь мы противоречим другому тезису автора, что Леонтьев органически не мог увидеть красоты в духовных переживаниях человека. Он ее увидел. На Афоне его как раз захватила глубокая духовная красота монашеского аскетизма. Никаких красивых форм в иссохших от поста и бедения, одетых в черный клобук монахах, не было. Но Леонтьев увидел их духовную красоту. Равно, как и старцев Оптиной Пустыни.

О его неприятии Достоевского скажем ниже — это было сложное явление. Здесь же укажем только на то, что не один Леонтьев, но и сами оптинские старцы не узнавали себя в старце Зосиме из «Братьев Карамазовых». Истинные старцы были в духе трезвее, строже и реалистичнее. В них не было восторженности и сентиментальности. Вот эту эмоциональную «прелесть» они в старце Зосиме не принимали. Леонтьев это знал и этому сочувствовал. Эстетический момент в этом отрицании как раз никакой роли не играл.

Хочу признаться, что я люблю Леонтьева больше всех других русских мыслителей, но совсем не потому, что согласна со всеми его мыслями. Со многим я не согласна и многое готова критиковать. Люблю я его не столь за содержание его мышления, сколь за характер его мышления. Он мыслит абсолютно бесстрашно. Его анализу не мешали эмоции. Он строго различал свои же-

лания и привязанности и объективные наблюдения их и их анализ. Редко, кто умеет не смешивать эти вещи.

Леонтьев глубоко любил Россию. Но он любил не просто какую-нибудь Россию, он любил монархическую, православную, с налетом византизма, Россию. Леонтьев, сравнивавший развитие, цветение и умирание культуры и государства с биологическим организмом, совсем не был биологическим националистом теперь, кажется, такой национализм, к сожалению, развивается у некоторых групп в Советском Союзе. Этот биологический национализм, кстати, не имеет корней в русской традиции. Он сейчас представляется чем-то новым и наносным, чужим.

Леонтьев считал, что государство и культуру формирует не раса, не кровь, не биологический фактор, а идея. Россия стала такой, как она стала, потому что она переняла византийскую идею. Те же самые славяне могли бы стать совсем иными, если бы они адаптировали другую идею. Он мог сказать вместе с Аристотелем и Фомой Аквинским: душа — это форма тела. Леонтьев любил только **такую** Россию. Он издевался над французами, которые любят их *la belle France* — безразлично, что из нее получилось. Леонтьев говорил, что он может представить себе Россию, которую он не будет любить. Для него разрушение той России, которой он отдал свою любовь, было окончательной трагедией. И все же у него хватило мужества эту гибель предсказать! Его самое горячее желание — сохранение монархической России, но мужественный анализ познания сказал ему, что эта Россия скоро погибнет.

Дар предвидения Леонтьева был совершенно необыкновенным. Он точно предсказал революцию, и потом такую жестокую диктатуру, что будущий диктатор сможет высунуть язык «великому инквизитору господина Достоевского», иными словами, этот диктатор будет страшнее всех инквизиторов прошлого.

Леонтьев писал: «Россия пойдет первой под знаменами интернационального материализма». Он даже предсказал колхозы: «Я вижу новое рабство в виде коллективных общин». Незадолго перед своей смертью он писал Владимиру Соловьеву: «Может быть, русским позволят еще лет 20 молиться, потом церкви и монастыри будут закрывать и разрушать... Ради Бога, у меня мороз пробегает по коже, когда я думаю о том, что Вы сейчас улыбаетесь». Леонтьев ошибся

не на много лет: не 20, а 30 лет еще разрешили молиться.

И вот тут-то и лежали самые глубокие корни его неприятия Достоевского. Достоевский тоже чувствовал нашествие бесов на Россию. Но он не мог выдержать этого собственного предчувствия. Он метался между страшными картинами надвигающейся бешовщины и судорожными попытками представить будущее России как особое христианское, спасительное для всего остального мира. Достоевский был полон мистических прозрений, он жил, несомненно, в гораздо более глубоких слоях бытия, чем Леонтьев, но ни разумом, ни твердостью характера Достоевский не мог принять своих собственных прозрений. У него не было той неподкупной трезвости познания, которой в такой исключительной степени обладал Леонтьев. Иступленные заклинания Достоевского, пытающегося вопреки своим темным прозрениям представить будущее России в экстремно лучезарном свете исполнившегося во всей своей полноте христианства, были Леонтьеву отвратительны. Поэтому он и называл христианство Достоевского «розовым»: в нем было слишком много восторженности, упоения, эмоциональности, всего того, к чему христианство, настоящее, трезвое христианство, относится с большой осторожностью, против чего оно предупреждает, чему оно не доверяет.

Мы не можем также согласиться с автором, что Леонтьев искал только личного спасения, но не искал Царствия Божия. Да, он называл себя «трансцендентальным эгоистом», но как раз Леонтьев учил заботиться о ближнем, а не о дальнем. Здесь мы снова противоречим тезису автора статьи, что Леонтьев не заметил человека — он его весьма заметил! Мы также указываем на радикальное отличие Леонтьева от Ницше: последний думал о дальнем, а не о ближнем. Леонтьев, напротив, указывал, что христианин должен в первую очередь заботиться о своем ближнем, а не о всем мире. Да, Леонтьев призывал не пытаться сделать так, чтобы всем стало хорошо. После таких попыток, — писал он, — обычно всем становится еще хуже. Не стараться спасти весь мир — то, о чем постоянно мечтала русская интеллигенция всех лагерей, в том числе и Достоевский, — а стараться облегчить жизнь ближнему — вот что сделает мир и жизнь более сносными. Не нужно растолковывать, что для главы государства или члена правительства «ближние» составляют несравненно более широкий круг лю-

дей, чем для обычного гражданина. Если бы каждый так поступал, то Царствие Божие возникло бы само собой, то самое Царствие Божие, в заботе о котором многие не только забывают о ближнем, но и становятся к ним крайне жестокими. Один из таких «исправителей всего мира» признается старцу Зосиме у Достоевского, что чем больше он любит все человечество, тем больше он ненавидит конкретных людей в своем окружении. Вот от таких «благодетелей всего человечества» предупреждал Леонтьев. Люби не абстракцию, «все человечество», а люби своего конкретного ближнего. Ближним же для христианина является, конечно, не только член его семьи, но всякий человек, входящий в круг его жизни и общения.

Для нас теперь, после такого страшного российского опыта, не секрет, что утопические представления о возможности построения своими руками Царствия Божия на земле выразились тем, что С. Л. Франк назвал «ересью утопизма», и повели к жутким результатам. Вот от этого и предупреждал

уже тогда Леонтьев.

Сам он так в жизни и поступал. Он собрал к себе своих старых слуг не для того, чтобы они ему прислуживали, а чтобы не лишить их на старости лет куска хлеба, и делился с ними последним, хотя сам всегда очень нуждался.

Со своими идейными противниками он всегда был лично мягок и терпелив. Леонтьев был резок в своих принципиальных высказываниях, в своих статьях, но не в обращении с людьми, как бы он ни расходился с ними во взглядах.

Совсем не обязательно любить вместе с Леонтьевым именно византийского склада Россию, тем более не обязательно быть эстетом в той же мере, как и он, не обязательно и разделять некоторые иные его взгляды. Но если бы мы хоть немного научились у Леонтьева трезвости оценок и способности не обманывать себя самого эмоциональными восторгами, то мы сделали бы для нас самих, для общества и для нашей родины великое дело.

В. Пирожкова.

Н. А. НЕФЕДОВ

О ЛЮБИТЕЛЯХ ЛЯГАТЬ ДОРЕВОЛЮЦИОННУЮ РОССИЮ

Прочитав на редкость интересную и ценную (как всегда) статью г-жи Д. Штурман «Американец на randeу с Россией» (Голос Зарубежья, № 17), в которой она рассказывает о той безответственной дезинформации, какой питают свободный мир современные де-кюстинцы, вроде американского журналиста Г. Смита, изображая русских по советским шпаргалкам; и по советским же штампам пытаются представить дореволюционную Россию не иначе, как в сером и черном цвете: а стоит ли особенно сетовать на наивных и политически безграмотных иностранных журналистов, если и среди, сравнительно недавно эмигрировавших журналистов и публицистов, есть немало и таких, которые в деле поливания дореволюционной России грязью, ничем не уступают американским де-кюстинцам. Послушать их, то выходит, что в дореволюционной России было такое беззаконие и произвол, такая нужда и отсталость, что жизнь в ней была не жизнь, а одно мученье. Согласимся, было недостатков немало, но не в такой мере.

Я не говорю о прибывших на Запад марксистских профессорах и публицистах —

Янове, Плюще, Морозе, Белоцерковском и др. — им, как марксистам, оплевывать Россию (не СССР, а именно — историческую Россию), так сказать, положено по штату — на то они и марксисты, а Маркс, будучи вообще человеконенавистником, особенно ненавидел русских и Россию. Следовательно, отбивая поклоны своему красному угоднику, марксисты обязаны придерживаться его ритуала, в который входит и низвержение анафемы в адрес России. Поэтому ни к Плющу, ни к Янову и иже с ними, претензий нет, для русских они — ноль. Не о них идет речь. Разговор идет о тех публицистах и авторах из т. н. «третьей волны», которых в симпатиях к Марксу заподозрить нельзя. Наоборот — они остро критикуют принятую Лениным марксистскую систему, и, используя свои личные наблюдения, едко высмеивают советскую администрацию и ругают советских правителей. Пишут они о свободном мире только благожелательно. Видимо, несмотря на многие недостатки, он им пришелся по душе. Однако как только они начинают касаться темы о дореволюционной России, то сразу на свет появляются все те же большевистские штампы, кото-

рыми бесценно — вот уже свыше 60 лет — заполняются советские журналы, беллетристика, «академические» книги, фильмы и пьесы.

Казалось бы, прибыв в свободный мир, и уже на месте убедившись, что все, что в СССР писалось и пишется о других странах (за исключением, конечно, социалистических и просоветских арабских и африканских) — будь то демократические США или авторитарные Аргентина и Чили; пацифистская, трусливая Швеция или лейбористская Англия; словом, любая страна, не желающая плясать под советскую дудку — является сплошной ложью. Что все, что со школьной скамьи им внушали о капиталистических странах, где якобы царит нужда, безработица, полицейский произвол и т. д. и т. п., ничего общего с действительностью не имеет. А раз так, то не могли коммунисты не врать так же бессовестно и о «проклятой капиталистической, старорежимной России», что, мол, не было в ней ни свободы, ни прогресса, ни промышленности, и, следовательно, если критиковать российские порядки и ее социальную структуру, то — по существу, в пределах объективности, а не преподносить то, что они вычитали в Кратком Курсе Истории ВКП(б) и в беллетристике Серафимовича или Мариэтты Шагиньян.

Особое внимание я обратил на приводимую в вышеупомянутой статье г-жи Штурман выдержку из статьи проф. А. Федосеева, что большевики утверждают, будто до революции в России никакой авиационной промышленности не было. Большевики утверждают, а публицист из «третьей волны» Марк Поповский подтверждает, правда — косвенно. И в самом деле, какая там могла быть авиационная промышленность, когда авиационного конструктора Игоря Сикорского в России, как и вообще всех ученых и изобретателей, затирали так, что им приходилось обращаться со своими идеями в чужие страны. Он так и пишет в своей статье «Российская наука на берегах Потомака», опубликованной в «НРСлове» от 20 июня с. г.: «Намыкавшись со своими идеями на родине, русский ученый обращался на Запад и там, как правило, получал заслуженное признание (...). После 1917 г. старая российская традиция еще более усугубилась... так было, так и осталось».

Очень просто и понятно: так было, так и осталось. Модная последнее время, но, увы, уже успевшая набить оскомину, песенка, цель которой: сравнительно мягкое правление, справедливый независимый суд пос-

леднего дореволюционного десятилетия отождествить с небывалым произволом и ужасающим советским режимом. В подтверждение своих доводов Марк Поповский приводит следующие примеры:

«Творец телевидения Владимир Зворыкин (1889), строитель геликоптеров Игорь Сикорский (1889 — 1972), химик-эмигрант Владимир Ипатьев (1867 — 1952) и др. — никто из них не получил бы дома тех возможностей, какими одарила их Америка».

И это говорится даже о И. Сикорском, стяжавшем себе в России такую славу и признательность, что даже сам государь Николай II прибыв на Петербургский аэродром, пожал ему руку и сказал: «Вами гордится вся Россия, благодарю вас».

О профессоре Зворыкине мы не можем достоверно сказать, что он изобрел бы в России, если бы революция не заставила его покинуть родину. К 1917 г., т. е. когда к власти пришли большевики, он только что закончил университет и, следовательно, уже по одной молодости, изобрести ничего не успел — телевидение-то он изобрел тоже только после того, как прожил в США около 30 лет. Была бы ему оказана помощь в его изобретении в России? Если послушать М. Поповского, то ни в коем случае — «не давали возможности»; а если вспомнить пример изобретателя беспроволочного телеграфа Александра Степановича Попова, то определенно — была бы, и не меньше, чем в Америке.

Спросим г. Поповского: — Мог бы Попов изобрести беспроволочный телеграф в 1901 году, если бы командование Балтийского флота не освободило его от регулярной службы морского офицера, предоставив ему свободное время для его опытов и снабдив необходимыми средствами, больше того, оно отдало в его распоряжение военное судно со всей командой. И если Попов не сразу стал мировой известностью как Морзе, то только по той причине, что Российское правительство его изобретение держало в секрете как военную тайну. Так что, если была оказана широкая помощь изобретателю беспроволочного телеграфа, то несомненно, была бы оказана помощь и будущему изобретателю телевидения проф. Зворыкину.

Особенно возмущает поклеп на И. И. Сикорского. Здесь все перекручено. Как же на самом деле обстояло дело с изобретениями нашего авиационного конструктора? Окончив Морской Корпус и Киевский Политехнический Институт, Игорь Иванович Сикорский решил посвятить свою жизнь

только что начинающей развиваться авиации. В 1911 г. им было построено два аэроплана, как тогда назывались, переименованные довольно безвкусно советчиками, самолеты (сами-то, без мотора, и они не летают): С-6а и С-6б, которые на международном конкурсе в Петербурге, в 1912 г., получили первые призы, оставив вторые призы французам, аппараты которых до того времени считались непревзойденными.

После первого успеха, Сикорский приступает к постройке первого в мире многомоторного авиона «Русский Витязь». Средства для постройки авионов Сикорского и помещение для авиационной мастерской были представлены дирекцией правительственного Русско-Балтийского завода в Петербурге.

13 мая 1913 г. на Петербургском аэродроме, сопровождаемый восторженными криками тысячной толпы, Сикорский поднялся на своем, по тому времени воздушном гиганте и, плавно описав несколько кругов над столицей, вернулся на аэродром. Имя Сикорского облетело не только всю широкую Россию, о нем, как о гениальном авиоконструкторе, заговорила французская, английская, немецкая, скандинавская пресса. Следуют дальнейшие успехи. В 1915 г. Сикорский выпускает еще более мощный воздушный корабль «Илья Муромец», который мог поднять 20 пассажиров, что в то время было достижением необычайным. Между прочим, совершил полет на «Илье Муромце» и царь Николай II, таким образом, став первым монархом, поднявшимся на летательном аппарате.

В ходе 1-ой Мировой войны, Сикорский построил 77 тяжелых авионов и несколько легких разведочных самолетов. И после всего этого Марк Поповский, не моргнув глазом, рассказывает басенку, что «строитель вертолетов Игорь Сикорский никогда не получил бы дома тех возможностей, какими одарила его Америка».

Теперь посмотрим, какими возможностями одарила Игоря Ивановича Америка. После захвата Лениным власти в России, не желая оставаться в порабощенной большевиками стране, И. Сикорский эмигрирует в Париж, ставший центром белой эмиграции. Здесь, несмотря на то, что имя Сикорского было хорошо известно во французских авиационных кругах, все его предложения авиационным строительным компаниям — игнорируются, и он уезжает в США. И здесь, как и во Франции, начинается обивание порогов как правительственных, так и частных авиационных обществ. Ответ один: —

«У нас и своих конструкторов хватает... может быть, позднее, дадим вам знать». И пришлось бы, возможно, знаменитому конструктору работать в какой-нибудь технической конторе чертежником, как и многим русским инженерам, если бы на помощь не пришли военные летчики Белой армии, среди которых были знакомые и друзья со времен 1-й Мировой и Гражданской войн. Нельзя не помочь создателю «Ильи Муромца», решили они, и своими сбережениями от сверхурочной работы на фабриках или таксистами и безвозмездной работой в свободное время, по воскресеньям и праздничным дням, оборудовали из заброшенного гаража вблизи Нью Йорка, в Спрингфилде, авиационную мастерскую. В этой примитивной мастерской Сикорский и приступил к постройке своего первого аэроплана в Америке. Помогали все те же русские летчики и механики. Особенно близкое участие в новом деле принял военный летчик и испытатель, капитан Британской авиации Борис Сергеевский. Однако постройка первого аэроплана закончилась во время испытания неудачей. Казалось, что все усилия друзей Сикорского были напрасными и начатое с таким энтузиазмом дело должно было погибнуть — не хватало главного, денег. Тогда было напечатано в русской зарубежной прессе о положении Сикорского, был опубликован призыв внести посильные пожертвования. Русское Зарубежье широко откликнулось на призыв: не только из США, пожертвования шли и из Европы, Аргентины, Бразилии, Харбина.

В 1924 г. Сикорский выпускает свой первый самолет, построенный впервые только из одного металла — С-29 (до того материалом служил не только металл, но и дерево, а для крыльев — полотно), что сразу стало сенсацией. Так возникло знаменитое на весь мир акционерное общество, до сего дня сохраняющее свое название: «Сикорский Айэрафт», созданное не «одаренными Америкой возможностями», а только благодаря безвозмездной помощи русских летчиков и жертвованиями русской эмиграции.

Как мы видим, касаясь Сикорского, Марк Поповский преподносит дезинформацию, так сказать, в квадрате: в России Сикорский, мол, мыкался, а Америка помогла стать ему знаменитым изобретателем. Америка свободная и щедрая страна — ни сетовать на нее, ни критиковать мы не собираемся. Многие, благодаря американским возможностям, действительно, стали знаменитыми учеными и изобретателями, но не все и не всегда —

такого незыблемого правила нет и быть не может. Но в данном случае разговор идет не о «американских возможностях», а о том: Какое же мнение может создаться о публицисте Марке Поповском у русских, когда он даже, без малейшего основания, не гнушается использовать имя Сикорского, большого русского патриота, которому в России было представлено **все**, для представления дореволюционной России в весьма непривлекательном виде?! Как это рассматривать?

Хорошо известная своей интуицией, объективностью, знанием России, г-жа Д. Штурман (кстати, тоже не так давно эмигрировавшая из России) подвергла резкой критике книгу американского журналиста Г. Смита «Русские»; высмеяла его наивность и полное отсутствие компетентности в русских делах, что было отмечено в начале настоящей статьи. Но как знаменательно, что эта книга «Русские», так бессовестно дезинформирующая свободный мир, заслу-

жила похвалы М. Поповского, он в восхищении от журналиста Смита. В своей статье «Русские книги», опубликованной в «Новом Русском Слове» от 18 ноября, он пишет: «Запоем читаются переведенные недавно с английского книги американских журналистов Гедрика Смита «Русские» и Роберта Кайзера («Россия — власть народа»).

Я не знаю, что представляет книга Роберта Кайзера, но судя уже по одному названию — «Россия — власть народа» — надо полагать, что она также начинена абсурдом, как и книга Смита «Русские».

То, что публицистическую макулатуру Гедрика Смита «читают запоем», мы г. Поповскому поверим. Запоем и со вкусом... но кто? Ясно — русофобы. Что касается русских, то если они и прочтут «Русские», то закроют ее с чувством омерзения и презрения к ее автору. Свидетельство тому — статья г-жи Доры Штурман «Американец на randеву с Россией».

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

Австралийское «Единение» крайне небрежно в обращении с русским языком; по дальности расстояния от родины, что ли? Особо хромают географические названия: **Либия** вм. **Ливия**, **Сауд Аравия** вм. **Саудовская Аравия**. Там же, А. Муратов небезосновательно критикует распределение нобелевских премий за все годы их существования; но напрасно он считает Киплинга **не первоклассным** писателем! Творец Маугли в литературу вошел на равных правах с создателями Робинзона и Гулливера. Не стоило бы и спорить, был ли Сенкевич гуманистом: он прошел разные этапы, но любовь к человеку сохранял неизменно; что он историю Польши созерцал сквозь призму патриотизма, пусть и преувеличенного, никак его не дискредитирует. Кабы да премии всегда давались столь заслуженно, осуждать распорядителей отнюдь не приходилось бы!

В «Новом Русском Слове», в этюде Г. Адамовича о Чаадаеве, правильна мысль, что нельзя судить о русской культуре с позиций западной; зато противны его злобные выпады против Батюшкова, Гоголя и Шмелева. Ему болезненно неприятны любые проявления русского патриотизма; но зря он требует такого же настроения и от читателей. В статье А. Новикова «Кое-что о

ведьмах» есть дельные наблюдения; хотя автору не хватает знакомства с литературой предмета. А. Бахрах, под претенциозным заглавием «Город Муз», говорит много неверного о Царском Селе. Так, например: имя **Детское Село** было ему дано вовсе не с бухты-баракхты, а в общем удачно: ибо там находилась масса детских домов и санаторий, и ребятишек всех возрастов царило изобилие. В том числе, позже, испанских, вывезенных сюда в большом числе после гражданской войны на Пиренейском полуострове. В статье «О Цветаевой и других», З. Шаховская делает строгое внушение 3-ей волне (очевидно, и 2-ой?) не заниматься судьбой Цветаевой, а оставить суждение тем, кому ведать надлежит, и исключительно — старым эмигрантам. Она даже предупреждает В. Швейцера, что Цветаева не стала бы с нею общаться (а вдруг бы да — наоборот?)! По авторитетному разъяснению почетного экс-редактора «Русской Мысли», никаких лишений и унижений Цветаева за границей не испытывала, а коли себя не чувствовала вполне счастливой, то по своей вине («Гению и во дворце будет тесно»; но ах! до дворца было далеко...). Сообщение сие отраднo, успокоительно и утешительно; только оно — в кричащем

противоречии с сохранившимися письмами Марины Ивановны, с жалобами на предельную нужду, невозможность протолкнуть в печать ни стихи, ни прозу (в значительной мере, по чисто политическим соображениям) и на нищенские гонорары, подчас не покрывавшие почтовых расходов! А З. Шаховская подчеркивает свою близость к покойной поэтессе, с которой виделась перед ее отъездом в СССР. Воспользуемся случаем обратиться к ней с запросом о судьбе ее наследства, в частности утраченной поэмы о царской семье: согласно показаниям М. Слонима, рукопись была отправлена в социалистический архив в Голландии, и там сгорела при бомбардировке; по сведениям же самого архива, никогда бомбежке не подвергавшегося, никаких рукописей он не получал! Слоним сошел в могилу, не раскрыв загадку; будем надеяться, что З. Шаховская не последует его примеру... В остальном, нужно ее поблагодарить, коль скоро она отговаривала Цветаеву возвращаться на родину (жаль, что безуспешно!). А то вот Ю. Иваск, тоже хорошо ее знавший, отмечает, что той хотелось, чтобы ее удержали, — но никто и не думал удерживать...

Письмо М. Розанова, в № от 3 мая, типично резюмирует мечты ограниченного американского обывателя, будто две великие коммунистические державы, Советский Союз и Китай, вцепятся друг в друга и себя ослабят на благо США! Предполагается, что и в Пекине, и в Москве у власти сидят идиоты... Красивы и выводы: поскорее окончательно предать Тайвань. Но аморальность в политике выгоднее выглядит на бумаге, чем на практике: когда американцам понадобятся союзники, их может не обнаружиться у тех, кто себя показал обманщиками... Режет глаз заголовок статьи С. Левицкого «Аргументум ад хоминем». По-русски пишется: **гомо сапиенс, гоминиды, гомункулус, гуманитарные науки**. Выпишем трезвые, умные мысли из статьи М. Шендера о правах человека: «Правозащитное движение в коммунистических странах является такой же иллюзией, как и мнимая разрядка его породившая. И, как всякая иллюзия, она — наравне с той же «разрядкой» — уводит человечество от решения действительно важной задачи — защиты от угрозы коммунистического рабства».

«Русская Мысль» именует персидского шаха **королем королей** вместо **царя царей**. Ее сотрудникам невдомек, что французское **roi** часто следует передавать **царь**: **le roi David, le roi Tarquin**. В № от 11 сентября, З. Шаховская едко глумится над традици-

онным целомудрием русской литературы. Что же, чистота и целомудрие всегда вызывают насмешки у тех, кто их бесповоротно лишился. М. Сергеев считает мои обзоры чересчур длинными. Но свои он печатает раз 3 в месяц, располагая полной газетной страницей; я же — раз в 3 месяца; так у меня места куда меньше. Если сократить, придется разбирать лишь 2-3 основных журнала; или же, вместо анализа — перечислять заголовки. Далее мой почтенный собрат не критикует, а пересказывает мои мысли; каковые в его изложении выглядят глуповато. Советую интересующимся сверять с оригиналом. Снисходительный Сергеев не усматривает греха в написаниях **Мэкка, Лопе дэ Вега**, и вообще каких кому вздумается. Исполать; а мы уж лучше не будем, памятуя стихи В. Дорошевича:

Ведь неудобно же, конечно,
Писать собаку через ять!

Тот ли это Сергеев, который столь сердито поучает всех, кто хоть на букву уклонится от предпочитаемой им орфографии?! Видать, **quod licet Jovi, non licet bovi...** В № от 9 октября, М. Агурский сообщает о наличии в Средней Азии местного национализма, направленного отнюдь не на отделение от России, а на расширение прав и роли мусульманских народов в составе страны в целом. Это — именно того типа националисты, с которыми мы в будущем, даст Бог, сумеем найти общий язык и столкнуться; а их пожелания, по сути, вполне выполнимы и законны.

Досадно наблюдать, в № 77 канадского журнала «Борьба», возобновление всем набивших оскомину обвинений против русской интеллигенции, под пером С. Жenuка. Безусловно, для народа в СССР и большинства эмиграции, **интеллигент** означает, и всегда означало, «образованный, культурный человек». Попытки ультралевых дореволюционных группировок присвоить сие звание одним себе, отказывая в нем правым, оказались, на беду, в эмиграции подхвачены сплетателями лживых словес типа Федотова и Бердяева; а иные из правых, рассердившись, стали в ответ гвоздить по всей интеллигенции **in corpore**. Давно пора предать мертвый, ненужный спор земле!

Художественную (а вернее бы сказать, антихудожественную!) часть «Континента» № 24 разбирать не станем; она сплошь никуда. В отделе «Запад-Восток», очерк Стюарта Гейтера, **независимого американского журналиста** (американского диссидента?) о персидских делах составлен с блеском, да

без разума. Прогрессивный западный публицист поносит шаха, введившего европейскую культуру, и тает от нежности к дикому мракобесу Хомейни, чье **состояние здоровья важно для всего мира!** Серия вполне дельных статей под общим заглавием «Югославская трагедия», свидетельствует, что титовский коммунизм мало чем лучше сталинского. Уничтожающий некролог К. Симонову М. Поповского слишком суров к поэту; но, увы, справедлив в оценке человека...

Без спору главное, в № 131 «Вестника Р.Х.Д.» — пророческое предостережение Солженицына Западу. Русские антикоммунисты с ним согласятся; но Запад не услышит и не поймет; да еще, устами своих прихвостней, осыплет автора упреками: он де не умеет ценить свободу; ему не нравилось в России, не нравится и в Америке; и т. п. Интересен, понятно, и новый отрывок из «Октября 16-го». Отметим 4 талантливых стихотворения, подписанные инициалами Н. П.; особенно «Наши дети».

В этюде о Блоке, Д. Зелинский пытается возражать против сделанного столь разными людьми как о. П. Флоренский и Н. Коржавин, — а до них смутно предугаданного Гумилевым, — открытия: «Блок — посланник дьявола в русской поэзии». Но правду не опровергнешь... Хотя и можно доказать, — с чем никто и не спорит — что Блок получил христианское воспитание, и следы его сохранял; что он — гениальный поэт и сложное психологическое явление; и что он, в последние дни жизни, разочаровался в большевизме...

Дискуссия между М. Бернштамом и неким Максудовым идет об академическом вопросе про роль (несомненно, значительную) инородных элементов — латыши, венгры, китайцы... — в русской революции. Кидается в глаза, что Бернштам стоит на добросовестных антикоммунистических позициях и применяет добросовестные методы научного анализа, а его противник оперирует большевистскими трафаретами, не брезгуя искажением фактов и подтасовкой статистики (удивляешься, зачем его лживые **заметки** и помещены?). Мало симпатично по тону, хотя и интересно по данным, исследование А. Безансона о современном положении католической Церкви.

Ньюйоркская ежемесячная газета «Литературное Зарубежье» разочаровывает своим угодничеством пошлому снобизму Запада, в частности, неумеренными восторгами перед В. Набоковым, их не заслуживающим ни с художественной стороны, ни уж тем паче

с моральной. «Мысли о Боге» А. Синявского не отличаются глубиной; сдается, при его теперешнем состоянии, он бы лучше мог рассуждать о дьяволе.

В «Русской Жизни» привлекает внимание, в № от 15 августа, стихотворение Е. Влади «Фиалки с Гольф-Поля», стоящее на значительно более высоком уровне, чем остальной материал.

Л. Пожарский, полемизируя со мною в «Нашей Стране», проявляет слабую осведомленность о Японии, утверждая, что там приятие европейской цивилизации не привело к перемене одежды. Не надо ехать в Страну Восходящего Солнца, довольно поглядеть японские фильмы, чтобы убедиться, что и военная форма в ней — западного образца, и платье горожан и интеллигенции европейского покроя.

Литературный альманах «Метрополь» (Анн Арбор, 1979) есть ложка меда в бочке дегтя; с ложки и начнем. К ней принадлежат превосходные «Страницы из дневника» В. Тростникова, резюмирующие те же идеи, что в его книге «Мысли перед рассветом», о бессилии материалистической и атеистической науки объяснить мир и человека: «Естественнонаучная эпоха начала с возведения Человека на пьедестал на место сброшенного оттуда Бога, а кончила тем, что можно было предвидеть с самого начала: затаптыванием Человека в грязь». К положительному отнесем и «Две тетради» П. Кожевникова, несмотря на пошловатый натурализм, рисующие неплохих русских юношей и девушек в гадкой советской обстановке. Из стихов всего лучше — И. Лисянской; и прежде всего одно, начинающееся:

В день Владимира, под воскресенье,
Я зашла в эту церковь случайно,
И опять сквозь невнятное пенье
Проступила вседневная тайна,

и кончающееся:

Богомолка встает на колени
Край иконы целует: Помилуй!
И мелькают грядущего тени
Так, как будто грядущее было...

Но это просто вещи честных и небездарных людей, вне связи с воинствующим авангардизмом, лежащим в основе пухлого тома и занимающимся именно упомянутым Тростниковым **втаптыванием Человека в грязь**. В виде иллюстрации рекомендуем «Лесбийскую песню» Ю. Алешковского. Безобиднее Ф. Искандер: его «Маленький герой большого секса» — сальный анекдот с провинциальной окраской, а «Возмездие»

— пример захолустного блатного ухарства.

Г. Сапгир измывается над вовсе не смешным учением о Третьем Риме и косноязычно перекладывает Катулла на порченный русский язык; это последнее, как и стихи А. Вознесенского о Есенине и Державине, заставляют вспомнить старую истину: живые ослы любят лягать мертвых львов. Грустно видеть в той же компании Ю. Кублановского, поэта классом повыше; его остроты о русских царях скверны; а Пушкин, вопреки ему, знаменит не «Гаврилиадой».

Рецепт построения авангардных рассказов прост и таланта не требует: всыпать сумбура и нелепости и приперчить непристойностями (не важно, что вовсе глупыми!). Хуже, когда Ф. Горенштейн вводит элемент богохульства: псевдонаучные изыскания его персонажа о Христе как о **больном шизофренией иудее** — верх дурного вкуса. Иные из авторов имеют — или имели — способности; но они их топят в омуте порочного метода (возьмем Б. Вахтина, Б. Ахмадулину; более сомнительно отнести ли сюда перехваленного критикой А. Битова). Теоретические статейки авангардистов, — Л. Баткина, В. Ракитина, М. Розовского, — каракули дикарей, коим понятие **культура** чуждо и навеки чуждым останется. Перевод В. Аксеновым отрывка из романа Д. Апдайка изумительно неряшлив; мифическая африканская страна Куш почему-то названа **Кушей (!)**, вместо **форма** пишется **униформа...**

Не приведи Господь, чтобы русскую литературу заманили на эти кривые, петляющие тропы среди бесплодных, отравленных миазмами полей! Впрочем, вряд ли оно и удастся...

Огромная удача для «Граней» — публикация в № 116 маленькой поэмы И. Елагина, безусловно первого по рангу из ныне живущих поэтов эмиграции в целом, под заглавием «Память», в немногих строках дающей с ослепительной яркостью и с фотографической верностью картину трагической судьбы нашего поколения, его чувств и быта. Поражает редчайшее сочетание стихотворного мастерства с точностью рассказа о встречах с выдающимися людьми, — Ахматова, Клюев, Пильняк, Хармс, Рыльский. Да, понятно, и жизнь самого автора поэмы принадлежит истории...

Выпишем одно высказывание на актуальную сейчас тему:

Рыльский был украинский поэт.
В час тяжелый он помог семье
Русского поэта. Так в стране,
Где я в годы сталинские рос,
Выглядел на практике вопрос
Межнациональный.

В путевых очерках об Армении, Ю. Кабрачиевский наивно удивляется, что там живут армяне и говорят по-армянски; и еще больше тому, что они русского еврея считают за русского. Вообще, он тут про евреев говорит больше, чем про армян; как не вспомнить анекдот: «Слон и Польша»? На терзающие его вопросы ответить легко: еврей может чувствовать себя русским, и тогда и есть русский; или чувствовать себя евреем и любить Россию, и тогда он — россиянин; а может, конечно, и ненавидеть Россию... Каждый имеет здесь право выбора.

Исследование Е. Дрыжаковой об эволюции взглядов Герцена, глубокое и пронизательное, снисходительное, но неуклонно правдивое к его ошибкам и раскаяниям, надо охарактеризовать как образцовое.

«Синтаксис» сошел с ума! Такое впечатление возникает при созерцании № 7: сумбурные, бессвязные фрагменты без подписей... Потом разбираешь, что весь журнал занят «Парафразами и памятованиями» какого-то Н. Лепина; и тогда думаешь, что редактор, если не впал во временное затмение, то, возможно, был слегка навеселе. В подкрепление данного предположения приведем одно из **памятований**: «Памяти немца Макса Фасмера, автора «Этимологического словаря русского языка». Русский юмор («гумор» — влага) — это «русская горькая», воплощение своеобразия натуры и духа русского. Четвертинку сей родимой и незаменимой влаги надо в родной стороне — для духа — всегда иметь при себе. В боковом кармане. Ближе к сердцу».

Капитальное неприличие подобных хамоватых выкликов в виде то ли некролога, то ли эпитафии покойному большому ученому, — который вряд ли пил горькую, — самоочевидно для всякого воспитанного и порядочного человека. Но, увы, не редакции «Синтаксиса»...

Замеченные опечатки в № 18-ом (Обзор зарубежной печати): Исторические вопли, надо — истерические; о литературном критике, надо — о литературной критике; мирро, надо — миро; в Сицилии, надо — на Сицилии.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Еще о поэтессе - политрукше

Глубокоуважаемая Вера Александровна!

Видимо, есть несогласные с моей характеристикой советской поэтессы Ольги Берггольц как ортодоксальной коммунистки («Голос Зарубежья» № 15). В своем письме в редакцию (Г.З. № 17) С. Т. пытается наделить поэтессу-политрукшу привлекательными чертами и представить ее такой, какой на самом деле она никогда не была, т. е. якобы, разочаровавшейся к концу своей жизни в коммунизме. Но делает это С. Т. не прямо. Его робкая аргументация построена на песке и рассыпается от малейшего дуновения фактов, которые уже были приведены мной в статье о ней и повторять их нужды нет. Вряд ли помогает и приведенное С. Т. стихотворение, которое по предположению С. Т. написано О. Берггольц, хотя, правда, он оговаривается, что «юридического доказательства ее авторства» нет. Но если даже допустить, что это стихотворение и было написано О. Берггольц, то все равно ничего не меняется — в нем суетятся на причиненные страдания «лучшим сыновьям родины», советской родины, конечно, а «лучшими сыновьями», несомненно, были попавшие в немилость «отца народов» коммунисты, и она сама была «лучшей дочерью». Но в этом длинном стихотворении нет и строчки, обвиняющей истинного виновника страданий «лучших» и недружеских сынов родины — советскую власть, коммунистическую систему.

Вообщем-то, вся защита О. Берггольц построена С. Т. на ее страданиях в концентрационном лагере — раз она сидела, то позднее сумела «на жизненном пути прийти к своему Кронштадту». Однако к примеру, сов. маршал К. Рокоссовский тоже был посажен в одно время с Берггольц; и натерпелся он еще больше, чем поэтесса — той хотя следователи и плевали в лицо, но зубов не выбивали, а будущему маршалу не только выбили зубы, но еще сломали два ребра. Тем не менее, он остался не только верным большевистским псом, но еще стал и предателем своего польского народа, предав польских патриотов во время Варшавского восстания; а после войны, будучи назначен военным министром Польши и членом Польского Государственного Совета, принял так усердно истреблять «насекомых» на своей польской родине, что даже Сталин вынужден был внять просьбе поляков и убрать его в Союз. Следует ли после всего этого за выбитые зубы и сломанные ребра причислять Рокоссовского к разочаровавшимся в коммунизме, как это делает С. Т. в отношении Ольги Берггольц?

То, что О. Берггольц продолжала воспевать Ленина, С. Т. объясняет тем, что, мол, поэтесса-политрукш сочинений его не читала (в противном случае, значит, не стала бы его обожествлять, не так ли?). Вряд ли не читала, уже как политрукша, не могла не читать, была обязана читать. Но что от этого меняется? Важно то, что всю свою жизнь, весь свой литературный талант она посвятила закреплению коммунизма в России плюс мировой революции, о чем я в своей статье и написал. Не следует забывать, что за внедрения коммунистического режима мы должны благодарить не только красных полководцев — Дыбенко, Тухачевского, Вацетиса и им подобных; не только оберчекистов Дзержинского, Ягоду, Ежова; но и вооруженных не наганями и перьями Маяковского,

Демьяна Бедного, Берггольц, а теперь и Евтушенко, Кочетова, Михалкова. Да эти «инженеры душ» советским правителям просто необходимы — нельзя же внедрять коммунизм одними пулеметными очередями. Без пряника и кнут не кнут.

Никакого «Кронштадта» у Ольги Берггольц не было. С детской мечты о кожаной тужурке чекиста вплоть до последних дней, когда она еще в шестидесятых годах писала:

Все в нашей власти! Все! И нет такого,
чего бы не могли мы совершить!
Еще вчера — бродячий призрак,
Коммуна — жизнь! Коммуной будем жить!
Все можно! Революции пожаром
Страшнейших царств стираются черты...

она была и осталась матерой большевичкой, желающей жить только коммуной. Уже перед самой смертью, уже больной, она не переставала принимать иностранные коммунистические и некоммунистические делегации и врала им, как в свое время врала на политзанятиях красноармейцам, о необыкновенных достижениях коммунистической системы, о миролюбии советского правительства и прочее.

Нет, «Кронштадта» у Ольги Берггольц не было. Высказывание же сожаления о страданиях невинных людей и некоторая критика сталинской эпохи еще далеко не «Кронштадт»...

Николай Нефедов.

Замеченные опечатки в № 17 «Г. З.». На стр. 11, в 5-ой строке снизу: «представленный писателем К. Паустовский добрым дядюшкой — Ленин», правильно: «представленный писателем К. Паустовским»; в примечании, во второй строчке снизу: «воюя против Германии, Австро-Венгрии и Турции, потеряла убитыми 1,720,000». Здесь выпало «Русская армия» и непонятно, кто потерял. Следует: «...Турции, Русская армия потеряла убитыми».

Н. Н.

Главный редактор: В. Пирожкова
Verantwortlich für den Inhalt:
W. Piroshkow.

Адрес редакции: Dr. Vera Piroshkow
Einsteinstr. 104/III
D-8000 München 80
BR Deutschland
(W. Germany)

Банковский счет —
Банк: Hypotheken- und Wechselbank
8 München, Konto Nr. 2760094318

Перепечатка разрешается, но с указанием
источника

Информация:

Скончался в г. Сеаттле, в штате Вашингтон, 16 сентября 1980 г.

Юрий Александрович ПОТЕБНЯ

Прапорщик артиллерии Имп. Российской Армии. Уполномоченный Министерства Внутренних Дел Правительства Верховного Правителя и Адмирала А. В. КОЛЧАКА.

Родился в г. Харькове в 1894-ом году.

О чем извещают: — Вдова АНТОНИНА ИГНАТЬЕВНА, сыновья Ор и Никита, невестки, внуки и их жены и правнуки покойного.

Помолитесь Русские люди за упокой его души.

Редакционная информация:

В № 18 «Голоса Зарубежья» мы поместили информацию о памятнике в Лондоне жертвам Ялты. Редакция извещает читателей журнала, что она не признает напечатанного в этой информации титула за г-ном В. Глазковым.

Напечатано в Русском Национальном
Издательстве «ГЛОБУС»

Сан Франциско, Калифорния, С.Ш.А.

GLOBUS PUBLISHERS P. O. Box 27086,
San Francisco, California 94127 U.S.A.
